

Андрей Басирин

Тень Аламута

2006

Басирин А.

Тень Аламута / А. Басирин — 2006

Внимательные глаза наблюдают за борьбой рыцарей-франков и воинов ислама. Ассасины, невидимые убийцы Гасана Ас-Саббаха, легендарного Горного Старца, сеют гибель и смуту, от них не скрыться даже королям. Франкская принцесса Мелисанда – единственная, кто осмеливается противостоять ассасинам. Не острый меч и не огромные армии, но ум, храбрость и присутствие духа помогут ей. Принцесса Мелисанда, тамплиер Гуго де Пейн, зороастрийский маг Фаррох и лучшие рыцари Леванта вступили в опасную борьбу. Их ждут смертельные интриги, кровавые битвы, запретное волшебство и столкновения со злобными демонами. Если они проиграют, мир накроет Тень Аламута...

Содержание

МЕЛИСАНДА И ЕЕ ТАЙНЫ	5
ДУРНЫЕ ЗНАМЕНА ЖОСЛЕНА ДЕ КУРТЕНЕ	11
РОШАН ФАРРОХ ПРИХОДИТ В МАНБИДЖ	17
ЛИЧНЫЙ ТЮРЕМЩИК ГАСАНА АС-САББАХА	25
МАРЬЯМ, ИЛИ ПУСТЫНЯ НЕ УЧИТ ВЕРИТЬ	28
БРАЧНАЯ ЛЯМКА ХАСАНА МАНБИДЖСКОГО	31
РОШАН ФАРРОХ НА СТРАЖЕ ГОРОДА	39
МЕЛИСАНДА И ЕЕ СЕСТРЫ	42
МАРЬЯМ И КЛАДБИЩЕНСКАЯ ВЕДЬМА	45
ПЛАНЫ, ПЛАНЫ, ПЛАНЫ ГАБРИЭЛЯ	49
МЕЛИСАНДА И СЕНЕШАЛЬ ГРАНЬЕ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей БАСИРИН

ТЕНЬ АЛАМУТА

МЕЛИСАНДА И ЕЕ ТАЙНЫ

Солнце висело высоко над головой. Пот заливал глаза, стекая по щекам. Оливковые деревья в Гефсиманской роще почти не давали тени. Весна только начиналась, и ветви деревьев чернели в своей бесстыдной наготе. Насмешливо кричали вороны. Мелисанда встряхнула головой, отбрасывая с глаз непокорную челку.

– Бери свой меч, проклятый сарацин! – крикнули она. – Готовься к бою!

Гуго заулыбался во весь рот. В свои шестнадцать мальчишка был ростом почти с девятнадцатилетнюю Мелисанду. И, уж конечно, шире в плечах и тяжелее. Рыжие лохмы выбивались из-под тренировочного шлема. Веснушки осыпали лицо.

«Будь у меня столько веснушек, я бы с ума сошла», – подумала Мелисанда.

– Ноги подсогни! – крикнул юноша. – Спину прямее.

Мелисанда послушно присела. Они с Гуго стояли друг против друга, прикрываясь щитами. Гуго качнулся вперед. Тренировочный меч обрушился на щит Мелисанды. Девушка покачнулась, но удержалась на ногах. Ее меч тут же ответил.

Минуты две не было слышно ничего, кроме пыхания и ударов деревянных мечей о щиты. Это нисколько не напоминало поединки, которые представляла себе Мелисанда. Бойцы совершенно не двигались с места, да и ударами обменивались одинаковыми.

Кач вперед – удар. Ответ. Сбросить щитом – кач – удар.

Наконец Гуго зазевался, и Мелисанда ткнула его острием в бок. В ответ получила деревяшкой в грудь, да так больно, что в глазах потемнело. Ноги сами подогнулись.

«Я – будущая королева! Королевы не плачут!»

– Ваше Высочество! – Мальчишка отбросил щит и бросился к ней: – Мелис, ты что?

– Ничего, – прошипела девчонка сквозь стиснутые зубы. Боль пульсировала в груди, не давая вздохнуть. – Всё... в порядке... Что... не так было?..

– Ты открылась при выпаде.

– Но я же... тебя заколола!..

– Ничего не заколола. – Рыжие мальчишечьи лохмы упрямо разметались. – Кольчугу таким тычком не пробить. Да еще по краю щита. Там знаешь как бить надо? – Серые с прозеленью глаза Гуго посерьезнели. – Смотри!

Юноша вразвалочку подошел к оливе. Стал потверже, набычился. Деревянный меч в его руке прыгнул вперед. Ствол ощутимо тряхнуло.

– И так! И еще вот! – Мальчишка бил резко, уверенно. Мелисанда точно знала, что у нее так не получится. По крайней мере пока.

«Я – королева, – напомнила она себе. – Я буду править Иерусалимом».

– А у меня как выходит?

– Ты руками колешь. – Гуго де Пюизе, сын яффского барона, вытер потные щеки. – Вставай!

Мелисанда послушно поднялась.

– Ноги согни. Берешь меч – вот так – и вперед. И пусть мне отрубят, как святому Георгию... Эй, руки не выпрямляй! Прямыми руками ты ничего... всем телом!..

Мелис послушно била, качалась, подгибала ноги, выпрямляла спину. Выражение на лице мальчишки-оруженосца оставалось скептическим.

– Ладно, – наконец сказал он. – Научишься. Я с четырех лет учусь. Корячусь, как святой Леонард на каторге.

Поминать святых Гуго начал сразу по приезде в Иерусалим. У его кумира, храмовника Аршамбо, святки отскакивали от зубов, он клялся грудями Агаты Сицилийской, хреном и яйцами святого Антония, улыбкой Варвары-великомученицы. Патриарх Иерусалимский каждую неделю накладывал на Аршамбо епитимьи, а рыцарь принимал наказания с христианским смирением, но богохульствовал, как и прежде.

Гуго отлепил от тела потную рубашку. Рыжие волосы потемнели от пота, слиплись на лбу сосульками. Жарко... Уставшая Мелисанда села на землю.

– Мелис, слушай... – Гуго мялся, не зная, с чего начать. – А зачем тебе это?

– Что именно?

– Ну... на мечях. Воевать ты всё равно не сможешь. Я имею в виду... ты вон какая, – он указал подбородком, – тощая.

– Тощая?

Мелисанда осмотрела себя. Высокая, худощавая. С маленькой грудью и мальчишескими бедрами. Вон вымахала какая!

– Ну спасибо.

Сам того не сознавая, Гуго попал в большую точку. Мелис с детства мечтала быть поменьше и поизящнее. Например, как ее сестра Алиса. Та в свои шестнадцать была настоящей красавицей.

– Мелис... ты только не обижайся. Но ты действительно... А рыцарям, – он так торопился, что глотал слова, – вес нужен. Чтобы копьё не перевесило. И сила – ого-го! Ну научишься ты – может, и справишься с безоружным и без брони. Что толку?

– А женщины-воительницы? – нахмурилась Мелисанда.

– Они же все страшные, как грех! И здоровые, словно лошади. Клянусь гвоздями святой Елены! – При этих его словах Мелисанда улыбнулась. – А ты не такая, Мелис. – Он снял шлем и положил на свой щит. – Ты красивая.

Прозвучало это неловко. Так же неловко, как имена святых в речи юноши. Compliments Гуго не давались, хоть он и старался.

– Мой отец в плену, Гуго, – задумчиво промолвила девушка. – Вот уже год. И никто не торопится его спасти.

– Как это никто? А Жослен?

– Граф Жослен? – Мелисанда поморщилась. – Знаешь, Гуго, я всё-таки принцесса. Я их всех видела – на советах у отца. Жослен больше о своих землях заботится.

Гуго смутился. Ну вот... Хотел же как лучше!

Но всё равно глупость получается. Мелисанда – девчонка. Ее не учили с оружием обращаться. А короля Иерусалимского кто только не охраняет! У эмира Балака и курдов полно, и бедуинов разных, и туркменских лучников.

– Ладно. – Принцесса положила на траву меч. – Пойдем лучше погуляем. А завтра продолжим! – Она подняла на оруженосца упрямый взгляд: – Я всё равно не отступлюсь. Ни за что. Понял?

Гуго кивнул и пошел прятать снаряжение. Мелисанду он знал давно – с пятилетнего возраста. Наследница короля Иерусалимского всегда добивалась своего. И сейчас добьется. Никто не знает как, но добьется. Пробретется в Халеб, освободит Его Величество, вернется в Иерусалим со славой.

«А меня будут вспоминать, как того, кто ее учил... – подумал мальчишка. – Или нет; Мелис возьмет меня с собой, а я ее спасу от неминуемой смерти. И короля Балдуина тоже».

Тяжелые щиты при каждом шаге били по ноге. Пот заливал глаза.

Мелисанда с грустью смотрела мальчишке вслед. Гуго сказал правду: у нее нет шансов против сарацин. Ей даже с оруженосцем-недоучкой не справиться. Чтобы мечом пробивать кольчуги, требуется сила. Сила, которой у Мелисанды нет и никогда не будет.

Зато у нее есть другое. Отец научил ее смотреть и слушать, думать, притворяться наивной девчонкой, а самой подмечать слабости противника. Она видела и знала многое. И то, что Гуго в нее влюблен. И то, что ее матери – королеве Морафии, – на мужа наплевать. И то, что рыцарей, поддерживающих короля, становится всё меньше и меньше.

О нет, бароны не бунтовали. Но Мелисанда чувствовала, что им всё равно, кто на троне. Балдуин Де Бург? Хорошо. Евстахий Гранье вместе с Гильомом де Бюром? Прекрасно! Кто бы ни правил в Иерусалиме, им все по нраву.

Это равнодушие принцессу бесило. Быстро же они всё позабыли, года не прошло. В первые месяцы после поражения Балдуина город бурлил от горя. Рыцари кричали, обвиняя друг друга в трусости. Призывая идти на север отбивать короля. Постепенно крики стихли. Некоторое оживление произошло, когда граф Жослен бежал из тюрьмы. Все ждали: вот-вот случится чудо. Светлый рыцарь Жослен, граф Кутерьма спасет Балдуина. Черта с два! Месяцы шли, а чудо всё не происходило.

Девушка закусила губу. Она сама пробьется на север, в проклятый Халеп. Мимо Дамаска, где правит нечестивый сарацинский халиф, мимо Хамы и Шейзара. В засушливых степях она разыщет Жослена, и тот склонится перед дочерью своего короля. Потом можно будет попросить помощи антиохийцев. Войск для похода к Халебу, конечно же, не хватит, но лиха беда начало. Послать гонцов к князю Боэмунду, к Понсу Триполитанскому...

Мелисанда замечталась и не заметила, как вернулся Гуго.

– Ну вот, Ваше Высочество. Оружие я спрятал. Можно возвращаться в Иерусалим.

Дистанцию Гуго чувствовал прекрасно. Во время тренировки принцесса была для него «Мелис», «Мелька» и «ну ты дура, что ли?». Но едва щиты и мечи отправлялись в тайник, Мелисанда превращалась в «Ваше Высочество».

– Подожди. Я умоюсь.

Туника насквозь вымокла от пота, а возвращаться в таком виде неразумно. Любой встречный задастся вопросом: «Чем это занималась принцесса, что вспотела, как лошадь?» Девушка спустилась к Кедронскому ручью и принялась умываться.

Кедронская вода обожгла холодом так, что прервалось дыхание. Мелисанда присела на корточки и занялась волосами. Незаметно оглянулась. Так и есть: над пригорком мелькнул рыжий чуб. Следит. Если Гуго хочет быть незаметным, ему стоит постричься налысо. Она помахала оруженосцу рукой.

Бедняга. Она – будущая королева. А он кто? Полунищий оруженосец, сирота. Надеется, что ему Яффу отдадут, отцовские владения... Ага, как же! У Гильома де Бюра попробуй вырви. Старый коннетабль за свое держится крепко, а за чужое – и подавно.

Мелисанда спрятала гребешок. Поднялась, крикнула Гуго:

– Эй, рыжик! Заснул, что ли? Возвращаемся. – Оруженосец спустился по камням. Уши его алели от смущения.

– Давай быстрее, – позвала принцесса. – Меня могут хватиться, да и тебя граф будет искать.

Гуго кивнул, и они ускорили шаг. Мальчишка прибыл в Иерусалим в прошлом году. До того он жил в Апулии, постигая рыцарские науки, а привела его в стольный град весть о смерти отца, барона де Пюизе. Гуго рассчитывал заявить права на наследство. Но надеждам его не суждено было сбыться: на Яффу – отцовский фьеф – уже наложил лапу коннетабль Гильом де Бюр.

Но нет худа без добра. Печальная история юноши растрогала Мелисанду, она поговорила с де Бюром, и он взял юношу оруженосцем. Отказать принцессе старый рыцарь не смог, а Мелисанда убила сразу двух зайцев: устроила судьбу Гуго и обзавелась преданным шпионом.

А это было ой как необходимо.

После той злосчастной битвы, в которой эмир Балак захватил короля, дела иерусалимские усложнились. Регентство над городом поделили между собой сенешаль Евстахий Гранье и коннетабль Гильом де Бюр. Оставшись без мужа, королева Морафия повредила рассудком и принялась чудесить. Она измывалась над слугами, простолюдинов казнила за малейшую провинность. Дворец стал неуютным местом. Сестры Мелисанды – принцессы Алиса, Годьерна и Иветта – ходили тише воды ниже травы. Любой неосторожный поступок мог привлечь внимание матери.

Стена над Золотыми воротами украсилась комками гнилой плоти: Морафия приказывала вывешивать отрубленные головы на всеобщее обозрение. С каждым днем голов становилось всё больше. Садовник, конюх, две горничные... Рыцарей эти нововведения возмущали. Рубить мечом следовало людей знатных, прочим же полагалась веревка. Своим самодурством королева ущемляла исконные права вассалов.

Мелисанда и Гуго прошли мимо Соломонова храма, свернули к Аль-Аксе. Место это Мелисанда не любила. При взятии Иерусалима мечеть разнесли чуть ли не по камешку, и Балдуину де Бургу пришлось вызвать мастеров из Константинополя, чтобы восстановить ее. Работы шли ни шатко ни валко. Принцесса подозревала, что господин коннетабль на строительстве хорошо обогатился, ведь Гильом де Бюр, рыцарь по рождению, обладал душой ростовщика.

«Ничего. Это я ему тоже припомню», – который раз подумала она.

В дворцовый сад пришлось пробираться секретным путем, в обход главных ворот. Таких троп Мелисанда знала две. Еще ребенком она облазила все закоулки дворца, а о многих ее тайных местечках сестры даже и не подозревали.

Мартовский сад представлял собой жалкое зрелище: голые ветви деревьев, кое-где островки травы. Разоренные после казни садовника клумбы. Гефсимания куда лучше: там хоть свобода.

– Мелис! – Гуго схватил принцессу за руку. Мелисанда обернулась:

– Что, Гуго?

– Тс-с!

Юноша прижал палец к губам, указал глазами на аллею. Мелисанда проследила его взгляд. По дорожке кто-то шел.

– ...дела Тира. Но что с того?..

Девушка узнала голос матери. Тихо, как мышка, опустилась она на корточки и потянула за собой оруженосца:

– Сюда!

Дорожка вела к полуразвалившемуся гроту. Летом пещера скрывалась в зарослях плюща, сейчас же чернела оскаленным росомашьим зевом, пугая болтающихся по саду зевак. Мелисанда юркнула во мрак, Гуго неуклюже протиснулся следом.

– Пригнись, – прошептала принцесса. – Твой чуб за лигу видно.

– Э...

– Тихо, говорю!

Шаги приближались. Зная пристрастие Морафии к пышным туалетам, Мелисанда была уверена, что лазить по колючим кустам королева не станет. Грот восстанавливали вот уж два года, и тянуться это могло до бесконечности. Денег в казне постоянно не хватало. Прошлым летом Мелисанда обрушила на дорожку несколько камней, так что подобраться к ее убежищу стало почти невозможно.

– ...свою мощну любит пуще всяких шлюх, Ваше Величество.

– Об этом я наслышана, сир Гильом. Признаться, я ожидала большего.

– Чего же, Ваше Величество? Иногда мне кажется, что я обзавелся дюжиной теней. Сир Гранье, старый хорек, подозрительно осведомлен о моих делах. Я не удивлюсь, моя королева, если одним прекрасным вечером найду в своей спальне его шпиона.

– Или шпионку? – Морафия нахмурилась. – Берегитесь, сир де Бюр! Измены я не потерплю.

– Лучше изменить Иерусалиму, чем вам, моя прелестная повелительница.

Мелисанда закусил губу. Хорошенькое дело! Пока король в плену, королева крутит романы. И с кем? С регентом! С Гильомом де Бюром! Он же страшный. Рожа как у овцы, и вообще...

Оруженосец засопел и придвинулся к Мелисанде. Рука его будто бы случайно легла на бедро девушки, затем передвинулась выше. Принцесса сделала вид, что не заметила.

– Можете сразу выставить мою голову на стену, Ваше Величество, – с горечью объявил коннетабль. – Не сегодня-завтра Евстахий Гранье догадается, в чем дело. А не он – так другие.

– Вы так робки, сир де Бюр, – усмехнулась Морафия. – Хорошо. Укажите мне, кого вы подозреваете.

– Я никого не подозреваю. Но молю вас, Ваше Величество! Сенешаль Гранье...

– Его не будет два дня. Вы довольны?

– Хм...

– Евстахий слишком занят. Завтра он отправляется в Тивериаду с ревизией. Вас никто не хватится, уверяю! Вы забываете, что, даже изнывая от страсти, женщина заботится о безопасности.

Рука Гуго, до этого спокойно лежавшая на талии принцессы, скользнула к ее груди. Не раздумывая, Мелисанда двинула оруженосца локтем.

– Ты чего? – пискнул Гуго.

– Лапы не распускай, – сквозь зубы процедила принцесса.

– Так лежать же жестко!..

– Тс-с-с!

Момент был упущен. Где встретятся любовники, Мелисанда так и не узнала. Королева и коннетабль прошли мимо пещеры, и слов стало не разобрать. Ничего, беда небольшая. Когда голоса окончательно стихли, принцесса одернула блио.

– Так. Изволь объяснить, Гуго.

– Ваше Высочество! – Голос оруженосца сорвался в писк. – Ваше Высочество, там камень... ребра... Честное слово, я же ничего!

– Так-таки ничего? – Мелисанда смотрела с насмешкой. – Совсем?

– Ну...

Она требовательно подставила щеку:

– Поцелуй.

– Ваше Высочество!..

– Я приказываю.

Ослушаться оруженосец не посмел. Губы его дрожали. Едва прикоснувшись к щеке принцессы, Гуго отпрянул. Сердце его бешено колотилось.

– И всё?! Да ты в детстве целовался смелее. Смотри, как надо.

Мелисанда обняла Гуго и прильнула к его губам своими.

– Проследи за коннетаблем, – прошептала она, выпуская его из объятий. – Выясни, куда он направится. Но не вздумай попасться! Я не собираюсь любоваться твоей головой на стене, понял?!

Юноша ошарашенно кивнул. Вид у него был преглупый.

– А теперь уходи. Нас не должны видеть вместе.

Гуго снова кивнул. Комнатная собачонка, ожидающая подачки... Кажется, он всерьез настроился на продолжение.

– Ну же!

Вздыхнув, оруженосец выполз из грота. От расстройства он совсем забыл, что нужно скрываться. К счастью, дорожка была пустынна.

Мелисанда поступила осторожней. Сперва она тридцать раз прочла молитву Богородице, прося совета и помощи. Потом, решив, что прошло достаточно времени, выбралась наружу.

Дела выглядели безрадостно. Морафии действительно плевать на отца: у нее любовник. Да и регентами она, судя по всему, вертит как хочет. Отныне принцессе придется полагаться только на себя. Кто знает, кому во дворце еще можно довериться, а кому нельзя?

Глаза защипало. Мелисанда с яростью смахнула слезы. Она – будущая королева! Ее отец в плену за тридевять земель отсюда. И надеяться ему не на кого.

Только на старшую дочь. Да еще, может быть, на графа Жослена.

ДУРНЫЕ ЗНАМЕНΙΑ ЖОСЛЕНА ДЕ КУРТЕНЕ

Низкое вечернее солнце жарило всю. Высоко в синеве неба парил ястреб, и граф от всей души ему завидовал.

Наверняка там прохладно и покойно. Там нет мародеров и дезертиров. Ястребу не станет досаждать купец, у которого лангобарды стянули половину коровьей туши, а потом в кустах обрюхатили его дочку. Нет армий, владений, врагов и обязательств.

Хорошо ему, крылатому...

Палатки крестоносцев белели в степи, словно гигантские грибы, лишь кое-где встречались шатры побогаче, цветистые. Альый с золотом – румийца Алексея. Синий с черным – неистового каталонца Хосе по прозвищу Сель. А белый с золотом принадлежит Летольду, этого старого рыцаря Жослен помнил еще по штурму Иерусалима. Летольд был первым, кто взобрался на стены обреченного города.

Ветер колыхал травяное море, донося до графа запахи сточных канав, дыма и ячменной каши. Крестоносцы остановились лагерем недалеко от полунищей сирийской деревни, которая была столь мала, что вряд ли могла разместить армию Жослена. Как-никак неполная тысяча рыцарей. А еще – оруженосцы, пехота, обоз.

Приближалось время обеда. Слуги графа выставили козлы, накрыли их доской. Большеносый мальчишка с песочно-желтой гривой и сросшимися на переносице бровями сноровисто застилал стол скатертью. Мальчишку звали Анри. Второго оруженосца графа звали так же. И чтобы различать их, граф прозвал одного Носачом, другого – Дылдой. Сейчас Дылда ухаживал за графскими лошадьми.

Жослен вздохнул: вот уж больше недели они торчали в этой проклятой дыре. Воины за глаза прозвали графа Кутерьмой, и будь его воля – в глаза звали бы так же. Жослен ненавидел бездействие, мирная жизнь приводила его в ярость.

«Деревню, может, поджечь? – мелькнула отчаянная мысль. – Варвары. Не поймут... А развлечения не помешали бы».

Жечь деревню он бы всё равно не стал. Формально войска графа находились на территории Эдесского графства. Глупо портить свое добро, когда через несколько дней, может быть, удастся попортить чужое.

Носач поставил у стола обтянутый кожей табурет. Взгляд мальчишки был исполнен немного обожания. В его глазах граф Кутерьма выглядел героем, рыцарем без страха и упрека. Жослен усмехнулся.

Еще бы... Бежав из плена, он сдуру надавал обетов. Не мыться, не есть мяса и не пить вина, пока не освободит короля. Теперь от него несло, как из сточной канавы, а от постоянной трезвости и голода голова сделалась легкой, словно комок тополиного пуха.

Анри поставил перед графом супницу. Из-под крышки поднималась струйка пара. «Гороховый супчик, – с ходу определил граф. – Постненький».

– А знаешь-ка, малой... – Взгляд Жослена, устремленный на Анри, сделался прозрачным. Оруженосец затрепетал. – Сгоняй-ка ты, братец, к сирам Летольду, Хосе и Алексею. Капеллана прихвати. Скажи: так и так, мол. Граф приглашает, пищу разделить и питье. Что бог послал. Понял?

– Да. Понял, мессир.

– Вот и ладушки. Дуй, Носач.

Сподличав, Жослен почувствовал себя лучше. При мысли, что его военачальникам придется лопать постный супчик, запивая хлебушек водицей (и это вместо куропаток и вина), граф ощутил в груди благодное тепло. Мер-рзавцы! Небось они-то винишко всю дули, пока сюзерен в тюрге прохлаждался. И свининку трескали.

Ничего. Разок попоститься не вредно. Сам-то Жослен с августа постничает, нынче на дворе что? Март на дворе.

Созванные графом военачальники не торопились. Кутерьма будто видел: вот они, кряхтя, поднимаются, зады чешут. Оруженосцам зуботычины раздают, тянутся за фляжками заветными. У графа-то хмельного не хлебнешь – не положено. Хосе, наверное, глазами сверкает, ус крутит, морда каталонская.

Видение было настолько ярким, что Жослен нисколько не удивился, узрев Хосе на самом деле крутящим ус. Своих чувств рыцарь не скрывал, и, когда раздражался, усам доставалось прежде всего.

– Я явился, мессир, по вашему повелению.

– Являются бесы пустынным. Садись, Хосе.

Остальные рыцари не заставили себя ждать. Румиец Алексей узнал, что «прибывает лишь караван в Халеб». Канонику досталось за его «поспешил на зов»: на зов, как оказалось, поспешает паж к потаскушке. Выволочку получили все, кроме старого Летольда. Его побаивался даже сам граф Кутерьма.

Самое обидное, что единой формы обращения к сюзерену не существовало. Когда требовалось, к Жослену можно было и являться, и прибывать, и спешить на зов. Граф прощал всё. Но только не сейчас: восемь месяцев обетов сделали свое дело. Трезвость и постоянный зуд под мышками превратили графа Кутерьму в сухого дьявола.

– Угощайтесь, сирь рыцари. Приступайте к трапезе, – предложил Жослен. – Прощения прошу за скудость яств. Пост, знаете ли.

Крестоносцы кисло переглянулись. Капеллан Бернард с надеждой заглянул в кувшин и принялся молиться. Увы, превращать воду в вино умел только Христос. Жослен подтянул к себе миску с похлебкой и жизнерадостно заработал ложкой.

– Господа, – спросил он, отирая с губ гороховые «усы», – у кого-нибудь найдется лишних двенадцать тысяч безантов?

Рыцари в замешательстве переглянулись.

– Я не горд, приму сарацинскими, – продолжал граф. – Это выйдет, – он вскинул глаза к темнеющему небу, – двадцать тысяч динаров. На худой конец, можно чеками, не страшно. Клянусь святым копьем, я получу свое даже у курдов. Что молчим, господа?

Военачальники знали: ответа не требуется. Жослен вытащил клочок грязного пергамента, потряс в воздухе:

– Кончились, ребята, наши посиделки в этой дырище. Завтра в поход.

– На Халеб? – поинтересовался сир Летольд.

Граф посмотрел на него с уважением. Барон Летольд, старая гвардия, мало задумывался о препятствиях. О том, например, что в Халебе прорва магометанских войск. О том, что их неполную тысячу размечут, как пух из драной перины. Вот кому бы обеты принимать! Не пить, не мыться, мясного не есть... Глядишь, Летольд давно бы освободил короля.

– Нет, сир Летольд. Мы поступим интересней. Вот здесь, – он прихлопнул ладонью письмо, – добрый сарацинский правитель пишет, что готов продать нам город. Город хороший, Манбидж. И цена ничего себе. Интересная. Двадцать тысяч динаров.

– Оу-у! – заволновались, зашумели крестоносцы. – Креста на них нет, магометанах!

– Дозволено ли молвить, мессир? – спросил Хосе.

– Говорите, добрый рыцарь. Весь внимание.

– Мессир, это безумие! Клянусь Хесусом и Марией, дешевле будет купить четыре таких Манбиджа. Только лучше отдать Балаку восемьдесят тысяч за короля.

Летольд скривился:

– Молодые торопыги. Что за глупость! Балак и за восемьдесят не отдаст Балдуина. Крепостей он хочет, Балак-то!.. Зардену, Аль-Асариб и Аль-Вади.

– Я знаю Балака! – вскинулся Хосе. – Восемьдесят тысяч или четыре города! А не возьмет – вобьем в глотку.

– Тихо, тихо! – Жослен примирительно поднял руки. – Сир Летольд, я не торгую королями. Сир Хосе, нам не продают четырех Манбиджей. Это удивительно слышать, но нам продают только один. И мы его купим.

– Платить магометанам? – вскинул бровь молчавший до того румиец.

– Хотя бы задаток, сир Алексей. Хотя бы задаток. По крайности, одолжим у иудеев. Им можно не отдавать.

Капеллан сложил ладони лодочкой у груди:

– Хорошо, мессир, но зачем вам Манбидж?

– А это, отче, очень интересный вопрос.

Граф поманил пальцем Анри-Дылду. Парнишка давно уже стоял у стола с серебряным подносом в руках. Граф принял поднос и небрежно объявил:

– Благодарю, Анри. Сходи погуляй. Девочку какую-нибудь притисни.

– Слушаюсь, мессир. В точности исполню.

Пять пар глаз с любопытством уставились на белую ткань, закрывавшую поднос. Нет, не пять. Четыре. Сам Жослен знал, что у него в руках.

– Итак, ситуация нынешняя такова... – Ткань полетела в сторону. Глазам потрясенных рыцарей предстали очищенные репки. – Вот здесь находится Халеб. – Одна из репок легла на стол. – В нем томится государь Балдуин. Здесь, – вторая репка легла почти на край стола, левее первой, – Антиохия. Видите, очень близко от Халеба.

Крестonosцы затаенно вздохнули. Граф Жослен не уставал поражать своей загадочностью. Вот он выдал румийцу миску с гороховой похлебкой:

– Держите, сир Алексей. Вы будете Эдесским графством. Вы, отче, возьмите ковригу хлеба. Будете Иерусалимом. А здесь, – еще одна репка легла чуть выше и правей Халеба, – находится Манбидж.

– Ну? – Меж бровей сира Летольда пролегла складка. – И?

– Не торопитесь, сир Летольд. Лучше ответьте мне, где находится славный эмир Балак, наш противник?

Складка стала глубже.

– Это все знают. Балак далеко на востоке. Набирает туркменов в свое войско.

– Запомните, сир Летольд, я – не все. Я граф Кутерь... де Куртене. И мои шпионы, – еще одна репка поднялась в воздух, – говорят, что Балак находится здесь.

Стук. Репка опустилась на дальнем конце стола.

– В Харране?!

– Да. Интересно, не правда ли?.. Войск у Балака немного, но побольше, чем у нас. А Манбидж, – граф оторвал от рясы Бернарда шнурок и протянул его от одной репки к другой, – запирает дорогу из Харрана в Халеб.

Отец Бернард растерянно захлопал ресницами. В пальцах графа словно по волшебству возник серебряный франк.

– Если мы купим этот город, – франк лег на верхушку репки-Манбиджа, – то Балаку придется кусать локти. Халеб – пожалте свою миску, сир Эдесса, – окажется в окружении христианских земель.

Жослен аккуратно полил вокруг репки-Халеба похлебкой. Остро запахло вареным горохом.

– Благодарю вас. Возвращаю вам свое графство, сир. Держите крепче, не уроните!

Солнце почти опустилось за горизонт. Чтобы рассеять сгущающиеся сумерки, Анри-Носач принес масляную лампу. В свете ее «христианские земли» загадочно поблескивали.

– Ну хорошо, мессир. – Румиец брезгливо посмотрел на заляпанную варевом «Эдессу» в своих руках. – Но Халеб-то еще не взят. Да, Балак не сможет к нему пробиться. Но сарацины никуда не делись. Их еще надо будет победить.

– А вот это, сир Алексей, ваша забота. Завтра я отправляю вас посланцем. В Антиохию. Интересней бы поехать самому, но не могу же я разорваться. А?.. Или могу?.. – Жослен взял кувшин с водой, стоящий возле репки-Антиохии.

– В чем состоит моя миссия, граф?

– Вы соберете христианские войска. Антиохийские, – Кутерьма покачал в воздухе кувшином. – Иерусалимские, – отобрал ковригу у отца Бернарда и раскрошил ее в воду. – А напоследок... дайте-ка сюда, сир Алексей.

Забулькала похлебка. «Эдесские войска» полились в тот же многострадальный кувшин.

– Благодарю. Крепче держите Эдессу, клянусь копьем! Видите? Вот они, наши войска! Целый кувшин! И этими вот объединенными силами мы вмажем сарацинам. По самые шальвары!

Ни отстраниться, ни зажмуриться румиец не успел. Кувшин с «наихристианнейшими войсками» обрушился на репку-Халеб. Репка, отскочив, треснула Летольда в лоб. Бурда из расколовшегося кувшина выплеснулась на белоснежные одеяния Алексея. Зашипела, зачадилла полупогасшая лампа; сирийская ночь придвинулась к трапезничающим. С руганью вскочил румиец, пытаясь счистить с бархата неаппетитную жижу.

– Это уж слишком, мессир! – возопил он.

– Вы против моего плана?

– Нет, но...

– Прекрасно. Тогда, сир, желаю доброй ночи. Завтра выезжать, а вам ведь еще отдохнуть надо. Позвольте перед расставанием вручить вам тайные инструкции и деньги.

Алексей в бешенстве рванул меч из ножен. Хосе и Летольд повисли у него на плечах. Жослен насмешливо наблюдал за рыцарем. Руки его так и остались скрещены на груди.

– Интересно. Похоже, сир Алексей, вы не желаете победы нашим войскам.

– Мессир!! – простонал румиец. – О, если бы не моя вассальная клятва...

– ...то вы бы съели меня с перцем, – закончил граф. – А нос зажали бы пальцами, чтобы вонь не мешала.

– Мерзавец! – Алексей рванулся. Рывок вышел неожиданным, и Хосе, не удержав, отпустил румийца. – Гореть мне в аду, вы...

Договорить не пришлось. Ночь за его спиной изорвалась оранжевым пламенем. Тут уж и Летольд отступил на шаг.

– Что за чертовщина?! – вскричал граф. – Вы стали чудотворцем, Алексей! Идемте же. Посмотрим, что случилось.

Далеко идти не пришлось. Крики доносились из черно-яростной степи, и от криков этих на лбу капелана выступили крупные капли пота.

– Церковь! Церковь горит!

Огненная башня рвалась ввысь. Языки пламени лизали небо – так казалось рыцарям. В свете пламени меркли звезды.

– К оружию! – взревел граф. – На мечи турок! Ах мерзавцы!

Ополоумевшие рыцари заметались, выхватывая клинки. Из суматохи выскочил незнакомый оруженосец, что-то проорал. Речей в реве пламени слышно не было, но граф догадался:

– Не турки? Само загорелось? – И бросился к огненному холму. – Ну так шевелись! В цепь, сучье отребье! Ведра передавай! Живо, живо, живо!

Суматоха, кутерьма – вот стихия Жослена. Миг – и он уж в центре событий: командует, распоряжается:

– Шатры! Шатры защищайте! А ну вместе! На-ва-ались!

Пожар в лагере – страшное бедствие. Прощелкаешь клювом, спать на голой земле придется. Отблески пламени играют на лицах. Шипение пара, ржание перепуганных лошадей. И запах дыма – едкий, тревожный. Как тогда, в Хартабрате. Боже, прошу тебя!..

Больше всех суетился маленький бестолковый диакон, похожий на кудлатого пса. Бороденка его уже тлела, прорехи дымились на сутане, но он не замечал этого.

– Божьим... божьим попущением одним, – бормотал диакон, едва не плача. – Всевышний да простит... во искупление!..

– Эй! – Жослен ухватил его за воротник. – Что ты там бормочешь, старый хрен? Куда храм божий дел? Просношал?

– Он же... в оправдание свое...

– Что?!

Зубы дьяка клацнули.

– Я не сделал никакого преступления! – заголосил он. – Ни против закона Иудейского, ни против храма!

Подоспели другие крестоносцы. Мало-помалу предыстория событий прояснилась.

Глупость человеческая, как известно, не зависит ни от национальности, ни от вероисповедания. Крестоносцы стояли в степи уже порядочно. За это время в хальфе и тростнике, устилающем полы импровизированной церкви, завелись блохи. Дракон правильно рассудил, что воин Христа не может одновременно почесываться и творить молитву, вот только выводы из этого сделал неправильные.

Когда он поджег выметенный тростник, чтобы сжечь его вместе с блохами, вспыхнула сухая трава, окружавшая шатер-храм. Всё церковное имущество, ризы и дароносицы, сгнуло в огне. Хорошо хоть, Господь смилостивился над рыцарями: могло и пол-лагеря выгореть.

В полном молчании крестоносцы разошлись по своим шатрам. Лишь отец Бертран не торопился уйти.

– Скажите, граф, – попросил он. – Именем Всевышнего, рассейте мое недоумение. Зачем вам понадобилось это представление с Алексеем? Он ведь теперь вас ненавидит.

Жослен улыбнулся краешком рта:

– Интересный вопрос, отче... Кого другого я послал бы к дьяволу. Но вам, как духовному лицу, отвечу. Проклятый румиец мне все глаза намозолил. Сам шпион, и морда у него паскудная. Пусть убирается.

– Воистину так, Алексей кичлив. Но приказ...

– Отец! Мне вовсе не нужно, чтобы он исполнил приказ. Я как раз обратного хочу.

И, резко оборвав разговор, Жослен пошел к своему шатру.

– Вы, отче, того... – неловко произнес Анри-Носач, неслышно подошедший сзади. – Не обижайтесь на графа.

– Я не в обиде, отрок. Но не кажется ли тебе, отрок, кхе-кхе!.. что господин твой... кхе-кхе... несколько загадочен?

– Во все нет, отец. – Мальчишка почесал затылок. Потом вздохнул, вытер нос и с интересом поглядел на свою ладонь. – Я вот как думаю... Мессиру графу и в самом деле не нужно, чтобы того... это... Ну Алексей приказ выполнил. Князь Антиохийский молод. А румиец того... обижен. Он так делает, что антиохийцы Жослену войск ни в жисть не дадут. Только Бозмунд – мальчишка. Он же подвигов хочет! Как я, например. Когда Алексей уберется, он сам соберет войска, чтобы того... на Халев двинуть.

– М-да... Это ты подслушал где или граф тебе рассказал?

– Что вы, отец! Я же всё время со светлостью. Того... Всё подмечаю. И книжка у меня есть! – Он достал зачитанный томик «Стратагем» Цезаря.

Со стороны шатров донесся зычный рев:

– Носа-ач! Морда тупорылая! Жопа безмозглая! Немедленно сюда!

– Простите, отче. Граф звать изволят.
И мальчишка дунул прочь, да так, что пятки засверкали.

РОШАН ФАРРОХ ПРИХОДИТ В МАНБИДЖ

А тем временем в Манбидже, о котором грезил Жослен, творились странные дела. Во дворце Хасана поднялся переполох.

Ой, ой! Любимый гепард повелителя – на воле! Падают ковры, летят на пол дорогие вазы, визжат женщины. Ужас, суета иблисова! Джинны, что ли, вселились в этого зверя?! А следом за гепардом – толпа царедворцев. Абиссинцы с опахалами, стражники в парчовых халатах, егеря в мохнатых джуббах.

- Хватай! Хватай!
- Слева заходи! Справа!
- Мешок ему на голову!
- Марьям позовите!

Царедворцы мчались за гепардом песчаным самумом, но – Аллах велик! – стоило зверю обернуться, цветным бисером рассыпались в разные стороны. Еще бы! Позади – грозный Хасан, правитель Манбиджа, впереди – яростная кошка. Славный способ выдвинуться в глазах владыки, нечего сказать.

Евнуху в изумрудной кабе не повезло. Он замешкался. Хасан как раз смотрел на него.

– Дармоеды! – взревел он. – Так-то вы жалованье свое отработываете? Керим, куда?! Я всё вижу!

Раз в жизни и для кастрированного кота март наступает. Скопец сжался в комок и прыгнул. Зеленое столкнулось с рыжим.

– Ай-ай-ай! – послышался тоненький визг. Изумрудный с золотом рукав намок темным. – Руку! Руку откусил, иблисова скотина! Проклятье ему!

К счастью, крамольных слов никто не услышал. Погоня унеслась далеко. Выкатилась в сад, теряя туфли и чалмы, сверкая шелковыми халатами и золотыми поясами. Приснули из-под ног павлины. Сад наполнился хриплыми птичьими криками. Там-то, среди ранних весенних цветов и яблонь с набухающими почками, баламутству гепарда пришел конец.

– Марьям, Марьям! – закричали загонщики. Девушка лет шестнадцати волокла упирающегося зверя навстречу царедворцам. Рыжий разбойник упирался, ехал задом по плитам дорожки. На привязь ему ужасно не хотелось.

– Ах, Марьям, подобная темному золоту! – защебетали придворные льстецы. – С грудями словно черепаховые шкатулки!

Девчонка не обратила на них ни малейшего внимания. Схватила зверя за ухо и принялась лупить полотенцем:

- Кто съел казаганд хозяина? Кто написал на подстилку? Плохой! Плохой!

Гепард жмурился, отворачивая воровскую морду. Ошейник он потерял, поэтому девчонка тащила его прямо за загривок. Удивительно, но укусить девушку зверь не пытался.

- Слава Аллаху! – послышались крики. – Злокозненный зверь пойман.
- Благословение Марьям!

Раздвигая толпу, вышел Хасан. При виде девушки на виске правителя забились недобрая жилка.

– Марьям? Опять ты здесь, шайтанова дочь! Разве не сказал я тебе убираться с глаз долой?

- Сказал, повелитель.
- А ты?

– Не гони меня, владыка! Клянусь тем, кто простер небеса и воздвиг землю, я люблю тебя больше жизни!.. Дозволь же находиться рядом с тобой!

Почувствовав, что пальцы на загривке ослабели, гепард вырвался. С жалобным мяуканьем он подбежал к хозяину и спрятался у его ног.

– Клянусь освобождением рабов, Марьям, – отвечал Хасан, – слово мое крепко. Что алиф, что мим. Послезавтра покинешь город. Слышишь?

Девушка бросилась к Хасану, но он оттолкнул ее. Ропот пронесся среди царедворцев. Ишь бесстыдница, – шептались придворные, – господина за полы хватать! Разве не сказано в Коране о женщинах: «Пусть они потупляют свои взоры»?

Егеря увели гепарда. Хасан вернулся в свои покои. В саду никого не осталось, кроме толстячка Керима с его укушенным пальцем.

Весенний воздух овекает лицо – легкий, приятный. Перистая тень деревьев качается на траве. Хорошо! Весна! Кериму-то отчего нехорошо? Что ж он весне не радуется?

Дородный лекарь-христианин промыл рану евнуха. Его помощник, мальчишка-оборванец с плутовскими глазками, достал горшочки с мазями. Запах цветения смешался с камфорой; евнух заохал, зашипел рассерженной гурзой.

– Помягче дери, кафир, – недовольно пискнул он. – не яблоню прививаешь. Ай, злая тварь! Допускает же Аллах столь великое злобство в малом теле!

– Я, я, Керим! Притворный слюшпа не есть метт. – Евнух заморгал:

– Что он говорит? Совершенно не понимаю.

– Это значит: это вам влетит в круглый дирхемчик.

– О-ох, Юханна!.. – Керим закатил глаза. – Ты же видишь – я истекаю кровью. Лечи меня скорей, шарлатан!

Глазки лекаря злобно блеснули.

– Шарлатан? – сварливо спросил он. – Вас ис Шарлатан? Я есть шестный лекарь Иоханн!

Слишком поздно укушенный евнух сообразил, какую совершил ошибку. Повисла злоецающая пауза. Лекарь упер руки в бока. Его помощник задрал подбородок к небу.

– Не есть лечить, – объявил Иоханн. – Совсем.

– То есть как?!

В ответ лекарь выдал яростную тираду, которой евнух не понял. Видя недоумение на лице Керима, оборванец перевел:

– Это означает: у господина лекаря инструменты кончились.

– Инструменты? О Юханна, знай же, что я – казначей в доме Хасана Манбиджского. И нет для меня запретного среди его богатств. Говори, что тебе потребно.

– Потрепно? Я, я! Ти есть платить, грязный пройдоха! Мношко платить!

А помощник добавил:

– Это означает: список прилагается.

И протянул замусоленную бумажку. При взгляде на нее у Керима волосы стали дыбом.

– О Аллах! Что это?.. Пила?.. Долото! Ножи для кровопусканий! Ножи для подрезки сухожилий! Иглы! Яды! Палач ты, что ли, Юханна? Н-нет! У тебя я лечиться не буду. Эй, люди! Люди! Найдите мне врача-мусульманина!

С врачом-мусульманином тоже получилось не слава Аллаху. Кривошейей коротышка в малиновом тюрбане потупил взгляд:

– В рассуждении о сродстве первоэлементов следует обратиться к учению Ал-Кинди. Согласно «Трактату о воздушных и земных явлениях», болезнь твоя происходит от следующего. Огненная природа крови через рану сообщается с водной природой слюны зверя. Вкупе с летучими эманациями, исходящими от солнца, и тяжелыми эманациями, присущими земле, они вместе сообщают телу твоему сухость и жар. Воспаление, проистекающее из этого...

– Довольно, Али! – Керим поднял глаза к небу. – Аллах свидетель: с самого утра хожу ровно одержимый. Никто не может вылечить простую царапину!

Целитель отпрыгнул от Керима так, словно тот превратился в джинна:

– Царапину? Я не ослышался?! Узнай же, несчастный, что Ал-Фараби в своем трактате «О категориях сущего» упоминает двенадцать видов царапин! И на каждый – по четырнадцать различий. И на каждое – по пяти тонкостей. Кто, говоришь, тебя укусил?

– Гепард! Гепард меня укусил, о велеречивейший из целителей!

– Хм... Гепард... А скажи, несчастный, не случилось ли рядом мышей? Нет? Знай же: как муравьи устремляются к раненым львам, так и мыши ищут тех, кого укусил леопард. Горе тебе, о погибший, коль помочится на тебя мышь! Умрешь в несказанных мучениях.

– Но меня укусил гепард.

– Как знать, как знать... А не согрешила ли в молодости его мать с леопардом?

Голова кругом вдет. Евнух уселся на улице, привалившись спиной к забору. Неужели в этом городе нет врачей? Неужели никто его не спасет?

О Аллах! Услышь меня!

И Всевышний откликнулся на его зов. В дальнем конце улицы появился великан в поло-сатом бухарском халате и тюбетейке. Лет ему было около пятидесяти. Великан сильно хромал, так что идти ему приходилось, опираясь на посох. Судя по всему, последние дни с едой было совсем туго: от голода щеки бродяги запали, делая лицо похожим на волчью морду. Но усы торчали по-боевому, и в глазах горел озорной огонек.

Поравнявшись с евнухом, великан остановился.

– Глазам не верю. Вельможа – и задницей в пыли! Верно, мир перевернулся с тех пор, как я последний раз был в Манбидже. Что случилось, уважаемый?..

– Проходи мимо, – безучастно отозвался Керим. – Горя, подобного моему, не видели небеса. На меня пописала мышь.

– О! – Бродяга поднял к небу узловатый палец. – Воистину я дома. Только в Манбидже возможны такие чудеса! Я весь внимание, уважаемый.

И он уселся рядом с казначеем. Волей-неволей тому пришлось всё рассказать – о гепарде и о том, как его лечили придворные целители.

– Ай, добрый человек! Слова этого глупца заронили сомнение в мою душу. Ну как эти мыши меня отыщут? От них спасает лишь проточная вода. А поблизости ни реки, ни арыка. И кошек нет.

Бродяга потер подбородок:

– Хм, – подумал он. – Хвала Ормазду, каких только остолопов не рождает земля Сирийская. О ночлеге можно не беспокоиться...

– Я знаком с учением Ибн Сины, – объявил он после долгой паузы. – Откровения персидских магов открыты мне, равно как и китайские премудрости. А также и Каббала, и заблуждения христианских мракобесов. В расположениях звезд Рас-Альхаг и Альголь нет для меня тайного.

– О! Спаси меня, добрый человек!

– Запросто, уважаемый. Но учти: потребуются снадобья. Особенности. А также место, чтобы уберечься от любопытного глаза.

– Всё будет, добрый человек! Скажи мне только свое имя. Чтобы знал я, кого поминать в молитвах.

– Рошан Фаррох.

– Аллах велик, Рошан Фаррох! Керим я, казначей при дворе Хасана Манбиджского. Идем же и не будем медлить!

И казначей повел бродягу во дворец. Пока они шли, Рошан всё вертел головой, запоминая путь. Канули в небытие времена, когда он проводил больше трех ночей под одной крышей. А дворцы тем и особенны, что, кроме хороших людей, населяет их разная сволочь: стражники, вельможи, палачи... Вовремя замеченное окно порой может спасти жизнь.

– О Рошан! – Евнух всё не мог успокоиться. – А вдруг мать его согрешила с леопардом? Вдруг. Ну допустим! Я весь дрожу при мысли, что может произойти.

– Ай, Керим. Отринь беспокойство! Аль Газали различает сорок три признака чистого происхождения гепардов, – отвечал Рошан. – Ты покажешь мне зверя, и я назову их все. Только давай сперва поедим.

Одного у Рошана нельзя было отнять. В отличие от многих своих коллег, лечил он честно. Обработав рану и перевязав руку Керима промасленным полотном, он выдал ему деревянный брусок:

– Крути в пальцах и читай суру «Ат-Тауба», уважаемый. Тридцать два раза. И упаси Аллах тебя сбиться! Я же пока подкреплю свои силы.

Кормили у Керима недурственно: кисло-сладкий рисовый суп с мятой, салат с фасолью и миндалем, куропатки, зажаренные в форме виноградного листа. Их подавали в винном соусе, один запах которого заставлял вспомнить о райских кущах.

– Грани не пропускай! – покрикивал Фаррох, наворачивая салат. – Не филонь, дурень. Тебе ведь нужно – не мне.

Целительство не было его специальностью. Бродяга, философ, наемник – Рошан везде старался чему-нибудь научиться. У медника – чеканить кувшины, у бедуина – ухаживать за верблюдами.

Его представления о медицине были весьма причудливы. Суеверия, подобные тому, что напугало Керима, в его памяти соседствовали с вполне действенными рецептами лекарств. Он умел зашивать раны. Мог заклинанием остановить действие змеиного яда. Впрочем, Фаррох никогда не применял его, не взрезав рану и не высосав яд.

– Аллах великий! Помогло! – Керим с удивлением покосился на перевязанную ладонь. – И как это Аллах позволяет безродным бродягам столь глубоко проникать в мудрость целительства? Несправедливо это.

Рошан с хрустом разгрыз птичью кость:

– Пророк Мухаммед (благословение и привет ему!) учил, что есть свинину запретно. Керим, если прикусишь язык – станешь великим грешником.

– Отчего бы?

– Да потому, что ты свинья.

Евнух засопел. Странное дело: бродяга ему всё больше нравился. Это пугало. Казначей привык относиться к людям настороженно, чтобы не сказать – с боязнью.

– Когда-нибудь тебя повесят за твою болтовню. И будут правы.

– Э, уважаемый. Зачем злое говоришь? Вешают не за болтовню, а за шею. Ладно, Керим. Пойдем посмотреть твоего обидчика.

И они отправились в те помещения дворца, где держали охотничье зверье.

Из полумрака несло кошками и лежалым мясом. Рыжего разбойника Хасан обожал, а потому поселил в отдельной пристройке. Кошачьему жилищу позавидовал бы иной раб.

– Осторожно, Рошан! Аллах поместил здесь низкую притолоку. Не ушибись.

– Всевышний наградил меня крепким лбом и проворством. А за заботу благодарствую. – Бродяга пригнулся и вошел внутрь.

В пристройке кошачья вонь усилилась. Неловкий Керим запнулся о миску с молоком. Глухо звякнула глина. Послышалось предупреждающее ворчание.

– Ох, Рошан. Я лучше у порога постою, – схватился за сердце казначей. – Проклятый зверь! Так и зыркает глазищами!

Фаррох не отвечал. Он осматривался. Ремни, цепи, пучки соломы... В углу циновки свалены в кучу. Сверху – драный казаганд из добротной, впрочем, ткани. Когда взгляд привык к полумраку, обнаружилось, что они здесь не одни. На кошачьей подстилке, обняв гепарда за шею, сидела девушка лет шестнадцати. Сама тоненькая, ладненькая, а лицо круглое, задумчи-

вое. Чем-то она напоминала гепарда. Только масть другая. Зверь – солнечный блик, плескучий, непостоянный, а девушка – воплощенная ночь. Волосы иссиня-черные, глаза непроницаемые. И на щеках – дорожки от слез. Рошан стянул с головы тубетейку.

– Здравствуйте, уважаемая! – добродушно пророкотал он. – А мы к вашему дружку.

Девушка чуть наклонила голову:

– Откуда знаешь?.. Его и в самом деле Рафиком зовут.

Бродяга присел на корточки, разглядывая гепарда. Керим имени зверя не знал. Для казначея любая живность при доме Хасана означала лишь строку в графе «Расходы на кормление». И отношение было соответствующее.

Рука бродяги протянулась к морде гепарда, ловкие пальцы принялись чесать за ухом. Зверь принял ласку благосклонно. Керим смотрел на своего спутника с ужасом, а в глазах девчонки промелькнуло нечто похожее на уважение.

– Рафик чужого не подпустит. Ты ему понравился.

– Рафик – хороший зверь. Хороший. И мы договоримся, правда?.. – Пальцы Рошана сместились ниже. Зверь довольно заурчал.

– Смотри, Керим: у леопарда морда вытянутая, как у собаки... Кусаться, шайтан! Я тебе! – Рошан щелкнул расшалившегося зверя по носу. Гепард зажмурился. – ...А у этого – круглая. И глаза. У леопарда голубые, а у Рафика – ух зверюга! – черные, как у его хозяйки.

– Я ему не хозяйка, – отозвалась девушка. – Аллах не дал.

– Ее зовут Марьям, – встрял Керим. – Она – рабыня Хасана. Из пустыни.

– Я не рабыня!

– Ну да. Не рабыня. А меня, значит, Аллах наградил гаремом на полсотни душ. И я к ним вхожу каждую ночь по два раза. – Евнух усмехнулся краешком рта. – Так ты говоришь, Рошан, что волноваться нет причины?

– Воистину так. Это гепард из гепардов, без подвоха. – Видя недоверие на лице Керима, он добавил: – Ну сам подумай, уважаемый: от леопарда ты бы ушел впополам. Он бы тебе не палец – голову по колено откусил бы. Но откушенные руки и ломанные хребты даже Ибн Сина не лечил.

– А злокозненные мыши?..

Тут Марьям начала хохотать. Она сразу поняла беспокойство казначея. Евнух обиделся.

– Ишь, женщина, – пробормотал он, задом пятясь к двери. – Пороли тебя в детстве мало. – И, уже выходя, добавил: – Рошан, уговор наш... Э?

– Помню, помню, – отмахнулся тот. – Пока рука не заживет, останусь в Манбидже.

– Слава Аллаху!

Керим ушел с неподобающей торопливостью. Вельможи не любят, когда над ними смеются. Рошан же остался: коли живешь где-то, стоит побольше узнать об этом месте.

Девушка, запросто обнимающая гепарда, его заинтересовала. Да и следы слез на щеках... Проклят будет тот, кто оставит женщину в беде, даже не попытавшись помочь!

– Скажи, Марьям, – спросил он, – не тебя ли я видел два года назад в пустыне возле Харрана? За тобой еще ходил выводок дроф?

Девушка встрепенулась:

– А ты – тот самый гебр? Защитник Городов?

– Тс-с! – Рошан огляделся. – Об этом лучше помалкивать. Целее буду.

– Ой, прости, Рошан! – Она зажала себе рот ладонью. – Я глупая, да?..

– Ничего. Я тоже дурак дураком, а до своих лет дожил.

Гепард завозился, зевнул. Мол, секреты у вас, не буду подслушивать. Он нетерпеливо высвободился из объятий Марьям и пошел исследовать содержимое миски. Девушка не стала его удерживать.

– Рассказывай. Как ты попала сюда?

– Это долгая история.

...В начале года Хасан ездил в Харран. Эмир Балак призвал его – поболтать о том о сём. О халве, шербете, красоте черкешенок-невольниц. Так все полагают. О чем же на самом деле разговаривали властители городов, Хасан предпочитал не распространяться. Но после беседы этой он стал задумчив и молчалив, переносицу пересекла тревожная складка.

Балак Гора собирался в новый поход против франков. Для Манбиджа участие в нем стало бы безумием: земли графа Жослена располагались слишком близко к его стенам. Случись что, возмездие пришло бы в считанные дни, а противиться всей мощи крестоносного войска у Хасана сил не доставало.

Это понимали все. Харранские чайханы гудели от споров-пересудов. Нищие, феллахи, купцы, ростовщики – всяк был рад порассуждать о том, как легко бы он разогнал франков на месте Хасана. Доморощенные «эмиры» с легкостью распорядились поисками и манбиджской казной. Их слова звучали весомо – но лишь потому, что они, как всегда, не знали истинного положения дел.

Хасан колебался, не зная, на что решиться. Присоединиться к эмиру? Отказаться? Вступила мышь в союз со львом... Ребенку ясно, что Балак заберет город себе, а Хасану даст коленом под зад.

А ну как не заберет? Ну как защитит от опасного графа Жослена?

Пробыл Хасан в землях эмира Горы несколько недель. Дни эти стали тяжким испытанием. Видит Аллах, тяжело быть слабым перед лицом сильного! Одна радость: когда Хасан вернулся, в свите его появилась остроглазая застенчивая девушка.

Аллах ведает, что произошло меж ними... Говорили, что правитель встретил Марьям ночью в пустыне. Красота и кротость девушки покорили сердце Хасана. Увез он ее в Манбидж с твердым намерением сделать четвертой женой.

И вот – не вышло. Жены Хасана забыли старые распри, чтобы объединиться против Марьям. Повелитель, преуспевший в интригах и дипломатии, оказался бессилён против женского злословия. Известно, что Пророк (благословение и привет ему!) четыре качества невесты объявил притягательными для правоверного – богатство, происхождение, красоту и ревность в исламе. Но к чему последние два, судачили злоязычные, если девушка первыми не обладает?

Марьям мрачно посмотрела на Фарроха:

– Обрато я не вернусь. Тетка меня со свету сживет... – Она всхлипнула и уткнулась носом в плечо гебра: – Ну что мне теперь делать, Рошан? Что?!

Рошан вытер ее слезы:

– Ну-ну! Манбидж не пустыня – дождя без тебя хватит. А что сам Хасан говорит?

– Он это... За младшего... Выдать хочет...

– За младшего брата? – Девчонка подняла зареванное лицо:

– Не надо мне Ису! Я... Я лучше за франка замуж пойду!

Она вывернулась из-под руки и вскочила на ноги:

– Идем! Идем покажу!

Рошан Фаррох, кряхтя, поднялся на ноги. Огонь-девчонка!

– Эй, постой, Марьям! Не спеши!

– Прости, Рошан.

Шли они недолго. В лабиринте переходов кто угодно мог запутаться, но Марьям знала эти места как свои пять пальцев. В конце коридора темнела маленькая неприметная дверь. Марьям обернулась, прижала палец к губам:

– Стань тихо. Вдруг он... там?

Девушка приникла ухом к двери, вслушиваясь. Видимо, страшный Иса бродил где-то далеко отсюда. Марьям просветлела лицом:

– Пойдем. Сам увидишь.

В каморке воняло мускусом, мертвечиной и птичьим пометом. К этим запахам привыкшая едва ощутимый сладкий аромат гашиша. Повсюду валялись тюки ткани, мешки риса, блюда.

– Это что, кладовая? А почему не заперта?

– Да кто ж отсюда красть будет? – удивилась Марьям. – Здесь же полоумный бродит. – Судя по тому, как она произнесла «полоумный», слово это давно стало вторым именем Исы. – Вот смотри.

Она откинула кусок полотна. Под тканью лежали чаши, светильники в форме рыб и грифов, чудные ножи с цветными рукоятями. Одного взгляда хватало, чтобы понять: хозяин этого добра балуется чернокнижием. Причем именно что балуется.

На стене розовели изразцы, изображающие плюш. Изразцы особенные: достаточно расслабить взгляд, как проступит иное. Листочки сложатся в груди и бедра; вместо дозволенного Аллахом растительного орнамента, картина покажет обнаженных флейтисток с похотливыми улыбками на устах. За двойной картинкой пряталась крошечная дверка. Рошан только головой покачал. Ну, Марьям, ну острый глаз! Жизнь в пустыне, конечно, всякому научит. Но чтобы так, с ходу раскрыть все секреты дворца... Ох дурак Хасан! Не знает, от чего отказывается.

В потайной каморке валялись голубины трупки. Сиротливо чернели два щенячьих тельца. Протухшим тестом мокла дохлая жаба.

– Хвала Всевышнему, что не Иса правит городом, – пробормотал Рошан. – Пыток и казней хватило бы на всю Сирию...

Он подошел к окну. Двор – как на ладони. Соглядатаев сюда сажать – святое дело.

– Нам пора, – Марьям потянула гебра за рукав. – Иса в любой миг может вернуться.

– А ты можешь его показать?

– Попробую.

Оказалось это не так сложно, как думалось. Когда Фаррох спускался с девушкой по лестнице, мимо них прошмыгнул юноша шуплого телосложения. Маленький, бледный, прозрачный. И глаза как у сонной совы. Марьям незаметно толкнула гебра локтем.

– Вот он, – едва слышно, одними губами прошептала она.

– Хорош, ничего не скажешь.

Иса давно скрылся в полумраке, а Рошан и Марьям всё смотрели ему вслед.

– Он колдун, – сказала девушка. – С колдунами только колдовством и бороться.

– Глупости. Навозом грязь не скроешь, только измараешься. Помочь тебе в твоём деле?

– Не надо мне благодарений! – взвилась Марьям. – Я сама!

И, словно испугавшись чего-то, бросилась бежать. Рошан пожал плечами. Гордая девчонка... Что, интересно, Керим обо всём этом скажет?

Едва он двинулся в обратный путь, как застучали босые пятки. Девчонка вывернулась из темноты, несмело глядя на гебра:

– Рошан... а ты взаправду?... Ну помочь?..

– Зачем обижаешь? Я ведь тебе не врал. – Марьям упрямо покачала головой:

– Пустыня верить не учит. Но всё равно, спасибо тебе.

И умчалась. Вот чумная! Ну да ладно.

По пути Фаррох перекинулся парой слов с псарем и кухаркой. Этого хватило, чтобы узнать о младшем брате повелителя.

Иса и Хасан... Люди, знающие братьев, удивлялись – одна ли мать произвела их на свет? Хасан – простодушный весельчак, вспыльчивый и шумный. Иса – тихий, бледный, замкнутый. Хасан правит городом, Иса прячется по темным закоулкам. Чем занимается, неизвестно. Добро бы шпионов развел, а то плесень плесенью. Пустой человек. И страшный. Рассказывают о нём разное: и колдун он, и душегуб. Но всей правды всё равно никто не знает.

Рошану совоглазый не понравился. Чуть подсказывало, что они еще встретятся. И встреча та будет опасной.

ЛИЧНЫЙ ТЮРЕМЩИК ГАСАНА АС-САББАХА

Тревожная ночь спустилась в горы. Первая ночь Сафара – месяца радости и благоухания, цветения и роста. Но в Аламуте не ощущалось дыхания весны. За угрюмыми стенами нечеловеческому было радоваться жизни. Обитатели крепости столько времени посвятили размышлениям о боге, что перестали видеть его вокруг себя.

Всё имеет свою оборотную сторону, во всём скрыт потаенный смысл. Люди, захватившие Орлиное гнездо, называли себя батинитами, и означало это – «знающие истину». Правда батин сильна и ослепительна. Ассасины считали, что она способна убить непосвященного. Иногда, правда, ей приходилось немного помогать кинжалами.

Крепость погружалась в дрему. Заунывно перекликались стражники на стене, блеяли овцы в загонах. Вот закричала где-то ночная птица, и муэдзин ответил ей, призывая правоверных на молитву.

Небо над Аламутом угасало. Ночная сырость пропитала ковры и одеяла. Шелковой нитью протянулась она в полузаброшенную башню, где томился одинокий узник; наполнила его кости ломотой, а сердце – сожалением о прожитых днях. Кряхтя, старик расстелил молитвенный коврик. Стал на край, готовясь произнести молитву.

– И как это я не придушил мерзавца в колыбели, – в сердцах пробормотал он. – Аллах свидетель, обижают старичка... Обижают!

В спине что-то хрустнуло, поясницу прострелила немилосердная боль. Временами Гасану казалось, что позвонки превратились в ореховую скорлупу, а обломки трутся друг о друга и скрипят. Аллах великий, о как же они скрипят!

– Во имя Аллаха всемилостивейшего, милосердного, – начал старик молитву, – хвала Аллаху, Господу миров!

...Вот уже несколько лет Гасан ас-Саббах жил узником. Удивительное дело! Кто сумел заточить в крепость имама? Человека, чей авторитет в делах религии незыблем для тысяч ассасинов?

Страх. Вот тюремщик, безжалостней и внимательней которого не найти.

Жизнь Гасана стала отблеском заходящего солнца на скале. Делами в Аламуте заправляли Кийа Бузург Умид и его помощник Габриэль-Тень. Некоторые считали его сыном Гасана, но это неправда. Своих сыновей Гасан давно казнил.

Говорят, любой мастер рано или поздно перестает различать искусство и жизнь. Это и произошло с Гасаном. От ножей батинитов погибло бесчисленно народу. Кто напишет повесть их жизни?... Гасан был мастером заговора – и заговором стало всё его существование.

– Эй, Салим!.. – жалобно позвал старик, скатывая молитвенный коврик. – Куда подевался этот сын ослицы? Салим! Я не могу ждать!

Зашлепали по каменным плитам босые пятки. Появился Салим – унылый сириец в линялом тряпье. Парню недавно исполнилось тринадцать, и от него невыносимо воняло мускусом. Он торопливо разложил на полу письменные принадлежности и уселся у ног старца. Огонек лампы затрещал, разгораясь. От запаха дыма у ас-Саббаха болела голова, и холодный ветер с Каспия не приносил облегчения.

– Аллах покарает тебя за медлительность, Салим, – сварливо объявил Гасан. – Старичка обижаешь. Старичка всякий рад обидеть. – Потом задумался и добавил: – Ты хорошо пиши, Салим. Ибо так угодно Всевышнему. Я проверю. И начал диктовать:

– Человек может высказать о познании Аллаха одно из двух. Либо он говорит: «Я познаю Создателя Всевышнего разумом и рассуждением, не нуждаясь в учителе», либо он говорит: «Несмотря на разум и рассуждение, путь к познанию только в обучении»...

Диктовать ему приходилось на персидском – иного языка писец не знал. Сам Гасан не осмеливался взять калам в руки. Слабость сердца передалась его пальцам, и он опасался осквернить имя Всевышнего неудачным штрихом. Мальчишка же писал хорошо. Если б только знать, что случится дальше...

Мысли Гасана уплывали в далекую даль. Вот уж четверть века минуло с того дня, как франки пришли на Восток. Франкский имам Урбан объявил крестовый поход. По его слову тысячи людей отправились в путь. Горели города. Рушились троны. Старые династии превращались в пыль. Настало время исмаилитам взять власть в свои руки. Гасан задумался.

Крестоносцы крепко обосновались в Леванте: королевство Иерусалимское, княжество Антиохийское, графства Эдесса и Триполи. Чужаков всегда было мало, но опасности сплотили их, не давая впасть в междоусобицы.

Арабы же и тюрки постоянно грызлись между собой. Каждый новый эмир, бравший власть, начинал с того, что расправлялся со своими предшественниками. После смерти Иль-Гази остался лишь один эмир, способный отвоевать франкские земли: Балак ибн Бахрам. Эмир Халеба.

Балак силен и отважен, но слишком жесток. Он много думает о своих богатствах, а замену себе так и не подготовил. Если с ним что-то случится, противостоять франкам окажется некому. Место Балака займет его племянник Тимурташ.

А он – человек пустой. Игрок и развратник, убогий, бессмысленный. Остальные же – Зенги, Бурзуки – слишком слабы, чтобы взять власть. И потому...

Заметив, что мальчишка-сириец сидит и ничего не пишет, Гасан спохватился:

– Не спи, паршивый тарантул! Пиши дальше! – Мальчишка встрепнулся и со страхом посмотрел на хозяина. – «Первое, несомненно, ошибочно, – начал Гасан. – Ибо поддерживая свое мнение, мы отрицаем чужие. Но, отрицая, мы тем самым пытаемся учить других. Отрицание есть обучение и доказательство того, что отрицаемое нуждается в другом...»

В горле запершило. Мальчишка старательно скрипел каламом, высунув от усердия кончик языка. Гасан налил воды в чашку и со словами:

– Во имя Аллаха милостивого, милосердного! – принялся пить.

Страшно хотелось вина.

Что же франки? Кто из них может противостоять Балаку? Пожалуй, никто. Короля Иерусалимского Балак почти год держит в плену. Иерусалимом правят регенты. Из других франкских властителей только Жослен, граф Эдессы, чего-то стоит.

Жослен и Балак. Или, вернее, король Балдуин и Балак. Долг ассасинов – подумать, кого из них поддержать.

Гасан прикрыл веки. Сердце тревожно закололо. Аллах превеликий, как хочется выпить! Гасан облизал губы. Некстати вспомнился сын, которого он приказал сбросить со стены за пьянство. Всё это отблески, отблески на скалах...

Башня едва ощутимо дрожала. Через мягкие ковры и одеяла Гасан чувствовал это; чувствовал, как непрочен камень и зыбки деревянные перекрытия. В помещении стражи кто-то шептался. Послышался голос струн. В воздухе сладковато запахло гашишем.

Прочь! Прочь злые воспоминания! – Аллах – ты записываешь? – Он не существующий, не несуществующий, не знающий, не незнающий, не всемогущий, не бессильный, и потому...

Скрипи, калам, скрипи... Буквы сплетаются в узоры, заполняют книгу. В словах этих, в выморочной изуверской зауми – чужие жизни. Ради них ассасины берутся за ножи. Ради торжества темной истины гибнут люди.

Понемногу Гасан распался. Он рассказал маленькому сирийцу, что человек глуп, что его обязательно надо вести за руку. А на это способны лишь избранные имамы – такие, как сам Гасан. Мальчишка не спорил, но ас-Саббах уже впал в тягостное состояние брюзгливости, что так омерзительно в стариках, и не мог остановиться. Ему было страшно. За хитросплетен-

ниями слов он прятал холод, поднимающийся в душе при звуках ветра за окном. При шелесте покрывал и шорохе шагов.

Аламут наполнен потайными ходами. В башне их нет, но кто знает?.. Все в Орлином гнезде только и думают, как бы старичка обидеть. А уж что за стенами творится – подумать страшно!

Гасан сорвал с пальца кольцо. В кольце этом заключалось его спасение. Вязь знаков на ободке нисходила древностью своей к самому Сулейману ибн Дауду – властителю дураков и духов огня.

– Принимая во внимание и то, и это, все свидетельства и доказательства, скажу истинное. Посредством потребности мы познаем имама, а посредством имама познаем размеры потребности, подобно тому, как посредством дозволенности мы питаем необходимость, то есть необходимосущего, а посредством его познаем размеры дозволенности и дозволенных вещей.

Маленький сириец с трудом поспевал за наставником. Уже начиная со слов «потребность необходимосущего» он начал подозрительно ерзать.

– Сиди спокойно, о порождение всех ишаков на свете, – прикрикнул Гасан. – Чего тебе?

– Великий господин, – захныкал мальчишка. – Я хочу писать. Я боюсь!

За стеной послышался шорох. От него в животе ас-Саббаха поселилась гулкая пустота. Лампа светила всё тусклеей и тусклеей; сейчас старик обрадовался бы даже вонючим масляным плюшкам – лишь бы разогнали тьму.

– И потерпеть не можешь?

– Ай, господин, не могу! Живот мой подобен арбузу на бахче. Воистину я сейчас умру!

От маленького сирийца несло потом и страхом. Шорох стал явственней, в караульном помещении кто-то захихикал. Смех оборвался, и Гасан мог поклясться, что услышал женский вздох. Но откуда здесь взяться женщине?

– Старичка, поди, обидеть хочешь? Аллах да проклянет твою несдержанность! Делай свои дела здесь же! Немедленно!

Мальчишка затрусил к окну. Гасан как зачарованный смотрел на тусклый огонек лампы. Пламя вытянулось в сторону ковра, занавешивающего стену.

– Стой! – крикнул Гасан мальчишке. – Остановись ради Аллаха!

По поверхности ковра пошли волны – убийца, пришедший за Старцем Горы, искал край, чтобы откинуть его и ворваться внутрь. Ватными пальцами ас-Саббах нащупал кольцо.

– Во имя Сулеймана!.. – сипло закричал он. – Его печатью! мудростью и силой!.. Заклинаю!

Он потерял кольцо, сам не зная, чего боится больше: убийцы или джинна, которого пытается вызвать.

МАРЬЯМ, ИЛИ ПУСТЫНЯ НЕ УЧИТ ВЕРИТЬ

Всё predetermined творится днем. То, что ломает порядок вещей, – ночью. Почему? Ведь свет и мрак равно принадлежат Аллаху. Отчего тогда колдуны и джинны сильны во тьме?

Впрочем, что ей с этого... Завтра в полдень истекает время. Придется возвращаться в ненавистную пустыню, к тетке. Поди объясни этим харям-родственникам, что красавчиком его бабы вертят, как хотят. И без того сердчишко изболелось... А возвращаться – хуже проказы. Да и жизнь пустынная не мед. Голод, болезни. Грабители из пустыни налетят – мужчин перебьют, баб обрюхатят.

Марьям передернуло. Сволочи... Но не с Исой же мутным жить! Говорят, он по ночам кровь у людей пьет. Уж лучше в деревню!

Только бы не к Исе и не домой. Потому что в деревне ей житья точно не будет. Камнями побьют. После той ночи, когда Хасан ее – в шатер...

При мысли о запретной ночи живот Марьям свело тревогой. Ой! Что будет?.. Известно ведь: если мужчина и женщина до свадьбы уединяются, третьим с ними – шайтан. А Хасан – человек праведный, богобоязненный. Значит, это она, Марьям, во всем виновата? Как говорится в Коране, порченным – порченые.

Неужели она – падшая?

Воздух в крохотной камерке скручивался жаркой отравой. От кухонной вони и смрада конюшен кружилась голова. Рубашка липла к телу. Хасан не осмелился поселить девушку на женской половине и выделилией комнатушку в помещениях служанок.

По узкому коридору пришлось идти на цыпочках. Ай, Аллах, всё бы отдала, только бы никто не услышал! Сердце грохочет, оглушает, по всему дворцу отдается. Как они спят в таком шуме?

Нужную дверь Марьям нашла по запаху. Густой дух подвявшего рейхана и кунжутного семени перебивала струя благоуханий – острых, оглушающих, бесстыжих, как сама Мара.

Теперь постучать. Тук. Тук. Тук-тук. Нет ответа. Ох! Что за беда такая? Словно жестокий меняла отнял у Марьям тело, дал мешок хлопка. Неужто ушла?.. К стражникам своим?.. за тем самым, запретным?..

Договаривались ведь!

Где-то вдаль хлопнула дверь. Послышались шаги – мужские, уверенные. Открывай же! Марьям отчаянно заколотила в дверь – птица, рвущаяся из клетки. Или, наоборот, в клетку.

– Мара! Мара же!

А шаги всё ближе. Вряд ли гость забредет сюда. Ну что ему тут делать, среди служанок? Звуки шагов наполняли Марьям дрожью. Придет, увидит...

Ох, позору-то! Страху!..

Наконец в камерке завозились, заскрипела кровать. Дверь распахнулась, и бесстыжие Марины благовония ударили волной. Девушка торопливо отвернулась, прикрывая лицо полкой абайи. Хозяйка стояла в проеме голая – лишь платок на плечи накинула. Бесстыдница!

– А, это ты, девочка моя... – пробормотала она. – Я – Мара, ты – Марьям... Как схоже... Заходи, не бойся.

Не дожидаясь, пока Марьям переступит порог, еврейка ухватила ее за руку:

– Ну? Принесла?

Марьям кивнула. Сил не было глядеть на блудницу. И разве не запретил Пророк (благословит его Аллах и да приветствует!) видеть аурат другой женщины?

Заметив смущение гостьи, Мара хихикнула:

– Что отворачиваешь лицо свое? Ты – Марьям, я – Мара. Разве не едины мы судьбой? Но вера отцов моих не лжет. Стала ты на дорожку скверную. Ну да ладно... Подожди. Не стану тебя мучить.

Послышался шорох. Мара накинула рубашку, но волос покрывать не стала.

– Я готова, – объявила она. – Давай что принесла.

Девушка робко протянула сжатую в кулак ладонь. Звякнул металл.

– Не жмись, не жмись, – подбодрила хозяйка. Лицо ее с тяжелыми крупными чертами в лунном свете, казалось, высечено из камня. Рыжеватые волосы вспыхнули серебром. – Знаю я, тяжело тебе... Не каждая и решится на такое. Да и дело злое вышло, обидел тебя Хасан. Знаю.

Марьям зачарованно смотрела в две луны, застывшие в глазах еврейки. А та всё бормотала:

– Не отыщешь ты управы у кадиев да шейхов, все они дружки, все звенья кольчужные – мужчины-то. Уж не гневайся: ты – Марьям, я – Мара. Пророк вон тоже мужчина был... На них и благоволение свое истратил. Да наша-то, женская сила не делась никуда.

Девушка даже не заметила, как при ней оскорбили Пророка (мир ему!). Но чего ожидать от Мары-чародейки? Все джинны и ифриты у нее в друзьях, порченой.

– Ручку-то открой! Открой кулачок-то, – цепкие пальчики ухватили запястье Марьям, выцарапали спрятанное. – Ого! Не поскупился Хасан, славно наградил девочку мою. – Блеснул в свете луны перстень с черной каплей рубина. Недобро звякнули монеты. – Я – Мара, ты – Марьям... Одна судьба, одно тело. Не понесла от него?.. Нет?..

Девушка испуганно мотнула головой. А кто знает: будь у нее под сердцем ребенок, может, обошлось бы?.. Рабынь в тягости и продавать нельзя. А она не рабыня! Эх, если бы не Имтисаль... Даже служанкой не оставила, стерва усатая!

– Нет так нет. Идем, – Мара обняла Марьям за плечи и повела к двери.

– Там же... эти... Стражники!

– Стражники? А вот посмотрим, что за стражники.

Женщины уже выходили в сад. Мара усмехнулась неведомым своим мыслям:

– Что они нам? Мужчины... Ни смотреть, ни видеть не умеют, глупцы, – и еврейка громко хлопнула в ладоши.

Марьям вжала голову в плечи.

– Глупенькая! – рассмеялась Мара. – Ты тоже вроде них. Вон видишь там, на крыше?

На фоне белой стены маячил силуэт. Человек беспокойно озирался, пытаясь понять, откуда идет звук. Даже на расстоянии чувствовалась его беспомощность.

– Это Иса. Не узнала? Хотелось бы мне ведать, куда он направляется... Но нас он не заметит. Успокойся, девочка моя!

– Это всё... Вера твоих отцов?.. – Еврейка вновь рассмеялась:

– Нет. Силы эти старше и Моисея, и Христа. И уж точно не Мухаммеду с ними тягаться. – Безумица вытянула руку, разжав пальцы.

В углублении ладони темнел порошок. Падалью и пеплом несло от него. Мара дунула, и могильный прах взвихрился в воздух. Марьям заколебалась: не вернуться ли назад? Но вспомнила худое лицо Исы и засемила следом за колдуньей. В ее деле, считала она, могла помочь только магия.

Ночь добра. Ночь крадет у городов худшее – нищету отбросов, отбитую штукатурку стен, кости и песок под ногами. Оставляет же – серебристое сияние минаретов, нежный шелест листвы, свежесть и покой воздушных струй. Уж, верно, Аллах награждает праведников после смерти в месте, подобном этому!

Женщины миновали кварталы бедноты. Прошли мимо затихшего ночного рынка. Как ни плохо Марьям знала Манбидж, скоро она поняла, куда ее ведет безумица.

«Аллах великий, у тебя сила! – взмолилась она. – Только бы не на кладбище!»

Но Всевышний остался глух к ее мольбам, именно к кладбищу шел их путь. Там среди гробниц и белых каменных плит – Марьям ждало спасительное чудо.

– Мара... – Девушка схватила свою провожатую за руку. – Мара, куда ты?

– Ты – Марьям, я – Мара. Как договаривались, всё исполнила. Перстень забери – мне не нужно. Это ты ей отдашь. И деньги забери. А меня отблагодаришь... потом... когда дело твое выгорит...

– Мара! Не оставляй меня!

– Тс-с-с! – женщина прижала к губам палец. Бесстыжей волной рассыпались по плечам кудряшки. – Иди. Она ждет тебя.

– Да кто же, кто?!

– Иди.

Шатаясь, словно пьяная, девушка сделала шаг. Оглянулась: пусто. Сгинула чародейка. Ушла в горячие влажные кошмары, исходящие из лона Лилит.

Во рту – песок и соль. Рубашка царапает отвердевшие соски.

– Я... я прибегаю к Аллаху... – Горло перехватило. Марьям силилась произнести еще хоть слово, но не могла. – Я прибегаю!

Из-за деревьев вынырнула смеющаяся луна. Свет ее упал на абайю Марьям, открывая грязные полосы. Понятно, почему не подействовала молитва... Мара вымазала ее мертвечинной. Слова аята, оберегающего от козней шайтана, теперь бессильны.

Но Иса! Иса-кровопийца. И пустыня. Разве может быть что-то страшнее?

Одеревенелыми руками Марьям зашарила в пыли, собирая проклятые монеты. Перстень отыскать оказалось труднее всего: тот завалился под иссохший собачий череп. У камня лежал подрагивающий сверток размером со спеленатого младенца, Марьям захватила и его.

Хасан, напонила она себе. Добром не вышло, значит, колдовством придется. Но Хасан будет принадлежать ей.

С трудом переставляя ноги, девушка побрела среди могил. Камни смотрели в сторону Мекки слепыми мордами, а Марьям всё шла и шла, прижимая к груди узелок. В голове билось одно: вдруг запищит? Вдруг кто услышит?

Тогда убьют на месте. Не камнями – мечом.

– Кого ищешь, красавица? – прозвучало за спиной. – Уж не меня ли?

Марьям обернулась. Существо, что стояло среди могил, несомненно, было когда-то женщиной.

Светлые пряди волос рассыпаются по плечам. Белая ткань савана словно светится изнутри – добрый, ласковый свет. Темные дыры глаз и носа не дают отвести взгляд. Присмотришься – увидишь рай, там праведники ликуют. Жемчужно поблескивает лунный свет на щеке. Отражается, словно от драгоценной шкатулки слоновой кости.

– Мамочки!..

БРАЧНАЯ ЛЯМКА ХАСАНА МАНБИДЖСКОГО

Душно повелителю манбиджскому. Ох, тошно!

Луна бросает в окно горсти белого серебра. Дым курильницы перламутровой струйкой вьется. Казалось бы, живи и радуйся! А вот не жизнь Хасану. Не любовь. Потому что рассказы о Сулеймановых гаремах, наполненных прекрасными женами и невольницами, – это всего лишь рассказы. Действительность куда горше.

Этой ночью настала очередь Лямы. Старухи увели плосколицую харранку в баню и полночи измывались над счастливицей. Мази, притирания, благовония. Розовая вода, будь она неладна!.. Багдадские румяна, сурьма, амбра.

О Аллах!

А ведь есть еще шелка и бархат. Украшения золотые и серебряные. Эта верблюдица, поди, полночи перед зеркалом провертится, прихорашиваясь! Хасан на дворцовых приемах так не маялся, как здесь, в ожидании, пока жена приготовится к исполнению супружеского долга. И так происходило с каждой. Не исключая и тридцатипятилетнюю старуху Имтисаль.

А ведь ему всего тридцать! О жизнь, достойная пса и паука, вместе взятых.

Правитель наподдал ногой по узорчатому хорасанскому столику. Зимние яблоки разлетелись по комнате. Графин сочно лопнул, словно спелый арбуз; шербет потек по ковру, наполняя воздух приторным сливовым ароматом. Это Имтисаль. Так ей!

От второго пинка перевернулся шкафчик с книгами и разной мелочовкой: кубками, статуэтками, цепочками. Тревожно закачалась на цепях масляная лампа. А это Балак.

Правитель огляделся, ища, кого бы пнуть вместо проклятого крестоносца Жослена, но тут в дверь постучали.

– Входи! – зарычал Хасан. – Входи же во имя Аллаха! – и замер у двери, словно барс в засаде.

– Господин может пнуть курильницу с благовониями, – донесся из коридора пронзительный голос. – Она отчасти похожа на зловонного франка. Мой зад избегнет благородной туфли, а потом, клянусь милостями Аллаха, мы вместе с господином потушим пожар, что возникнет. И если это не получится, то пусть повелитель прикажет выстроить новый дворец, а заведовать строительством поставит своего верного слугу.

– А, это ты, Керим... – разочарованно протянул Хасан. – Ну входи же. Клянусь милостями Аллаха гнев мой улетучился вместе с твоими словами.

Евнух последовал приглашению. Словам Хасана он не очень-то верил, но дважды послушаться повеления – это дурной тон, знаете ли. Так можно и на колу оказаться.

– Как твоя рука, Керим?

– Благодарение Аллаху, хорошо, повелитель. Мерзкая тва... то есть игривый шалунишка почтил меня своей лаской. От нее я чувствую себя юным и жизнерадостным.

– Ладно, ладно, Керим, – хмуро отозвался Хасан. – Я прикажу наградить тебя за службу.

– Благодарю, о сиятельный. – Евнух оглянулся на дверь. – Господин изнывает и трепещет в ожидании брачной ночи?

Грань между издевкой и благоговением в словах Керима была так тонка, что Хасан едва не обманулся. Но он слишком хорошо знал казначея:

– Твой язык, Керим...

– Знаю, блистательный. Приготовленный с миндалем, он окажется запрещен для правого.

– Отчего же?

Евнух на ухо объяснил господину отчего. Немудрящая шутка вызвала усмешку на лице правителя.

– Ты развеял мрак моего сердца, пройдоха! Аллаха молю, чтобы подсказал способ наградить тебя.

– Пусть светлейший не утруждается. С тех пор как Всевышний даровал нам динары, это стало легким делом. Но я знаю человека, который полностью уничтожит тоску повелителя. Его имя – Рошан Фаррох.

– Рошан Фаррох? Я слышал о нем. О, как было бы славно увидеть его воочию! Вот только...

Хасан с досадой поглядел на испоганенный ковер. Кериму не требовалось слов, чтобы понять господина:

– Светлейший беспокоится из-за жены? О, это легко устроить. Я подговорил нашего начальника стражи, Сабиха, на маленький обман. В нужный момент он явится якобы с посланием от Балака. Мол, важное дело постигло ислам. И дурно поступит повелитель, не почтив гонца вниманием.

– Это ночью-то?! – Евнух тонко улыбнулся:

– А то повелитель не знает эмира Балака?

– Знаю. Такой пес, прости Аллах! Иди же, Керим. Распорядись насчет закусок... ну и вина там разного. О, как возвеселил ты мое сердце!

Евнух поклонился и вышел из покоев господина. Вскоре появилась старуха и объявила, что Ляма готова сплести ноги со своим супругом. Гордо выпрямившись, она повела Хасана на встречу с плосколицей. Манбиджец шел с таким видом, будто его ожидал ковер крови, а не брачное ложе.

Следующий час показался ему вечностью. Хасан полулежал среди шелковых подушечек, терзая струны лютни. От маленькой жаровни тошнотворно тянуло какулийским алоэ. Плосколицая... да и что греха таить – плоскогрудая Ляма не торопилась открывать свою наготу. Наслаждаясь моментом, она тигрицей прохаживалась вокруг мужа:

– ...четвертого дня – помнишь, ты изволил подмигнуть служанке. Той, что в саду. Рябенькой.

– Но, Ляма, – Хасан задохнулся от возмущения – Она же крива и безобразна. Мне в глаз попала мошка.

– Ах медовый коржичек, ты совсем меня не любишь. Истинно говорят поэты:

О любовь моя, не щадишь меня и не милуешь...

Сам о любви говоришь, и сам же подмигиваешь разным рябым развратницам.

К чему мне жить и амброй умащаться,
Коль рябота взгляду твоему милее и прелестнее?

Хасан скрипнул зубами. Три жены у него было, и все три изводили его по-разному. Имтисаль каждое свидание превращала в торговую сделку. Она помнила всё. Сколько платков и какого качества он подарил младшим женам; кого из царедворцев возвысил; кого наградил, а кого наказал.

Имтисаль принадлежала к людям, что вечно чувствуют себя обделенными. Осыпанная золотом, она воображала: «Других-то, наверное, рубинами да сапфирами одевают». Набей ей рот жемчужинами с голубиное яйцо, а она: «Ляме и Айше, поди, с куриное достались». И при этом всё старалась экономить на подарках, всё плела какие-то глупые интриги. Очень, очень уставал от нее Хасан.

Ляма изводила его ревностью и стихосложением. Кто-то из придворных сдуру ляпнул, что стихи ее подобны творениям Исхака Мосульского. Исхаку-то что – он помер триста лет назад. А Хасан отдувайся!

Но страшнее всех была Айша. Самая молоденькая и самая бешеная. Она назубок знала Коран и донимала мужа разговорами на религиозные темы.

Все-то у нее получались чуть ли не кафирами, все жили не по шариату. Хасан был почти уверен, что Айша девственна. Сам он к ней не входил, а других мужчин благочестивица избегала, как шайтан святой суры Аль-Курсийа.

– ...говорят, с гепардом. Ластилась, обнимала, покрывала поцелуями. Прилюдно, блудница! Гепарда бы хоть постыдилась!

Хасан встрепенулся. За горькими размышлениями он успел потерять нить беседы:

– О ком ты, голубка?

– О Марьям, конечно. О мой поджаристый пирожок с курдючным салом! О ней, бесстыжей. Ибо сказано:

Когда ни пройду по двору, о любимом думая
Всюду эта вертихвостка задом трясет.
И как это можно бесстыдно задом трясти,
Когда думы мои об одном лишь любимом?

Скрежет зубовный был ей ответом. Куда?! Куда скрылся мерзавец, что убедил Ляму в ее поэтическом даровании?

Харранка принялась разоблачаться. Красотой она и в девичестве не блистала, а пожив несколько лет в сытости и праздности, – и подавно. И кто из поэтов придумал, что «зад, подобный горе песка» – это красиво?

– Иди же ко мне, красавчик мой!

«Сабих!! – мысленно взвыл правитель. – Где ты?»

Всему на свете приходит конец. Липким объятиям, подобным прикосновениям куска теста, тошнотворному дыму алоэ, визгливому женскому речитативу. Всему.

Забарабанили в дверь кулаки. Донеслось отрывистое:

– Гонец! Гонец к господину! От эмира Халеба и Харрана, Балака Горы! Немедленно!

За дверью стоял крепыш в кольчуге, драных шароварах и неряшливо намотанной чалме. Ноги крепыша изгибались колесом, нос его тянулся к нижней губе, словно принюхиваясь к чему-то. Щеки свисали, как у пастушеского пса, редкие усики торчали воинственно – и попросил бы кто сказать, что Сабих ибн Васим не заслуживает своего имени! Ох, не поздоровилось бы наглецу!

Раньше чем опомнилась ошарашенная Ляма, Хасан подхватил шальвары и халат – и к двери. Уже снаружи, облачаясь под сочувственными взглядами стражников, он почувствовал себя на седьмом небе. Милостив Аллах и велик. Не только карает, но и награждает порой!

– Скорее, Сабих, скорее! – покрикивал Хасан на ходу. – Отчего медленно так? Где шлялся?

– Виноват! – Звуки вырывались из горла Сабиха, словно собачий лай. – Вина раздобыть не могли. И ладья шахматная запропастилась. Искали.

– Ох, на кол бы вас всех! Ну, двинули.

Дальше всё сложилось великолепно. Верный Сабих провел владыку потайным ходом за пределы дворца. А там уж все честь-честью: и винишко, и бастурмация с перцем, и шахматы. Курений – никаких. Женщин – тоже. Однажды Хасан пригласил танцовщиц, но бабы-то дуры... Всё разболтают-растрезвонят. Тайный приют перестал быть тайным. После скандала, что случился во дворце, Хасан так и сказал танцовщицам: «Скрывайте то, что с нами было, и

пусть собрания охраняются скромностью». А потом прогнал их из города. Потому что скромности у танцовщиц, что у гепарда под хвостом.

Но сейчас все должно было пойти иначе, Хасан повязал своих собутыльников круговой порукой. На посиделках в тайном доме решались многие дела. Возвышения и назначения, налоги и откупные, долги и взятки. Попасть на пирушку значило стать в Манбидже влиятельным лицом. Неудивительно, что Сабих ибн Васим старался всюю, ограждая своего хозяина от шпионов.

Навстречу уж спешил хозяин дома с распростертыми объятиями:

– О, славна ночь эта и час! Идем же, о повелитель.

– Весь внимание и предвкушение.

Зашуршали, откинулись занавеси. В глаза ударили золотые огни ламп. Теплые летучие тени побежали по стенам. Хасан полной грудью вдохнул запах свободы – с горчинкой лампового масла, ароматами жареного мяса и вина.

В комнатке, отделанной бирюзовыми тканями, среди ковров и подушек сидели гости Хасана. Кадий Бурхан с бородой вкось и легкой сутяжинкой в глазах. Казначей Керим – колобок масляный. Глянешь на него, праздник вспоминается, сытный Курбан-байрам. А вот и начальник стражи Сабих ибн Васим. Брыластый, крепкий, кривоногий. Рожа красная, нос пуговкой, брови выгоревшие – не один лиходей во сне криком заходится, Сабиха вспоминая.

Все это Хасан отметил походя, краем глаза, потому что взгляд его сразу устремился к великану, что играл в шахматы с кадием. Великану в заплатанном халате и тюбетейке. Посох свой Рошан бросил за спиной, так чтобы в любой момент легко дотянуться.

Позиция на доске сложилась аховая. Великан потерял ферзя и коня, но и кадию приходилось несладко. Вся мощь его фигур была бесполезна: ладьи, кони и слоны лишь мешали друг другу. Немногочисленные фигуры Рошана сдерживали их, грозя нанести смертельный удар королю, едва те двинутся.

Хасан не глядя протянул кубок. Керим плеснул хмельного. Дожидаясь господина, гости не прикасались ни к пище, ни к вину. Теперь же, повинувшись едва заметному кивку Хасана, Керим бросился разливать вино.

– Сдавайся, Бурхан, – поморщился правитель. – Аллах свидетель – если бы ты судил так, как играешь с этим человеком, в Манбидже воцарилось бы беззаконие.

– И как это я могу сдать, – сварливо отозвался судья, – когда у меня войск больше? Я так скажу: этот пройдоха или колдун, или жулик. Дай-ка, Хасан, скажу я, выведу его на чистую воду.

– О да! Рошан играет фальшивыми шахматами, – хихикнул Керим, пластая бастурму огромным кинжалом. – А в рукаве у него два ферзя лишних. И с десятков полей доски.

Судья засопел угрюмо и смешал фигуры. Взгляд его, обращенный к гебру, вполне мог прожечь дырку в халате.

– Я так скажу вам: мое поражение проистекло из того, что конь ходит буквой «лям». Только из-за этого.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Хасан, подсаживаясь. – Объясни.

Кадий взял кубок. Отхлебнул:

– Клянусь всеми тяжбами и указами Манбиджа, – начал он, – я так скажу. Ходи конь буквой «нун», порядки и построения этого человека сделались бы для меня безопасны. И отчего Аллах запретил менять правила во время игры? Будь иначе, я дал бы черному слону взятку. А племянника его устроил бы писцом в управу. И скажу вам так: победа стала бы мне дозволена.

– Я хочу сыграть с тобой, – сказал Хасан, глядя на Рошана. – Бурхан – наш лучший игрок. Никто лучше его не знает правил и уложений игры. Как он мог проиграть?

– Садись, уважаемый. Я тоже хочу сыграть. Чтобы узнать человека, надо выпить с ним вина, засесть за шахматилки или сразиться в поединке. Вина выпить успеется. Шахматы – вот они, а что до поединка... Пусть Всевышний оградит нас от этого. Сыграем.

Уже по одному тому, как великан расставлял фигуры, Хасан, сам опытный шахматист, понял, что перед ним мастер. Что ж... Тем достойней состязание.

Играть ему выпало белыми. Посмеиваясь над самим собой, он двинул вперед королевскую пешку. Зубодробительно стандартное начало. Но пусть Фаррох знает, что властитель Манбиджа стоит на страже традиций.

Великан поразмыслил немного и зеркально повторил ход противника. Хм? «Признает мой жизненный опыт и взгляды на мир, – понял Хасан. – Деликатность ему не чужда».

Партнеры выдвинули коней, развили слонов. Затем Хасан отправил коня под удар, сбив вражескую пешку. Простенькая ловушка, позволяющая разменять фигуры и вывести в центр доски сильнейшую фигуру в игре – ферзя.

«Пусть знает, что ради своих планов я не остановлюсь перед жертвами».

Тут Рошан заговорил – впервые за всю партию:

– Не валяй дурака, Хасан. Это игра, а не прием послов.

И сделал ход, пустивший партию вверх тормашками. Бойко застучали фигуры. Вскоре Хасан обнаружил, что две его пешки в центре доски мешают друг другу, ферзь задыхается, не в силах выбраться из-за частокола фигур, а король гол.

– Я слышал о тебе много легенд, Рошан. Это тебя называют Защитником Городов?

– Люди так говорят. Им всё равно, о чем болтать, а мне приятно.

– Сколько городов ты оборонял? Пять?

– Шесть.

– И все осады заканчивались ничем... – Фигуры вновь пришли в движение. В уголках губ Рошана затаилась улыбка. Он ждал, что произойдет дальше.

– Шесть городов... – задумчиво продолжал Хасан. – Во время осады одного из них случайно сломались боевые машины.

– Нет, Хасан, – Сабих отряхнул крошки с бороды. – Другое люди говорят. Гашиш, мол, помутился рассудок мастера. Одурманенный зловредным дымом, он в одну ночь разобрал все машины. Приплясывая и хихикая.

– Очень даже может быть. – Рошан снял с поля ладью и задержал в руке. – Мастер в самом деле покурился.

– Хм. А вот еще: батиниты осаждали селение и передрались между собой. Как такое может быть?

– Два человека всегда найдут повод разбить друг другу носы. – Черная ладья опустилась на доску. – Шах тебе, Хасан.

– А главное, – не унимался Хасан, – враги всегда идут следом. Подходят к городу через несколько дней после твоего появления. Это правда?

– Вранье. На самом деле это я их опережаю.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Слушай, уважаемый, давай начистоту. Балак Гора движется к Манбиджу. Все думают, что он набирает туркмен. Все думают, что он вряд ли вернется к Халебу в ближайший месяц. Но нет ничего более шаткого, чем это «все уверены».

– Откуда знаешь?

– Это неважно, Хасан. Я шел из Мосула в Антиохию, когда услышал об этом. Есть у меня знакомец при дворе атабека Мосульского. Ак-Сонкор Бурзуки тоже в доле.

Так, так... Спину Хасана обдало жаром-холодом. Что же делать?!

Начальник стражи первым из всех обрел присутствие духа:

– Так, говоришь, эмир Балак в походе, да? Против нас?

... чтобы тут же его потерять:

– И атабек Мосула тоже? О Аллах! – Фаррох кивнул:

– К Манбиджу идут сильные войска. Кроме Балака Горы и атабека Бурзуки, конечно же, подтянется Тимурташ – племянник Балака.

– Его я не боюсь, – отмахнулся Хасан. – Он молод и кичлив. Но вот Балак и Бурзуки...

– О Аллах! О Аллах! – причитали евнух с начальником стражи.

– Цыц! – Хасан с подозрением взгляделся в лицо Рошана: – А ты-то что хочешь со всего этого? Зачем пришел сюда?

Фаррох усмехнулся:

– Узнаю семейную недоверчивость... Я родился в этом городе, Хасан. И когда-то знал твоего отца. Старый Мансур должен был рассказать тебе.

– Рассказать, рассказать... – Хасан прищурился. – Отец говорил, будто в молодости водил дружбу с одним гебром. Не ты ли это?

– Я. Не будь ты сыном Мансура Крушителя Стен, давно бы гулял по Антиохии. А может, и в франкские земли подался бы: побродяжить, посмотреть.

Хасан покосился на доску. Позиция стала угрожающей. Гебр опять пожертвовал ферзем, чтобы получить решающий перевес. А, была не была!

– Чем докажешь, что дружил с отцом?

– Я могу рассказать одну историю. Позорную, но ты ее должен знать.

– Рассказывай.

– У Манбиджа плохие стены, и я знаю, что стало тому причиной. Жители Манбиджа издавна бунтовали против халебских эмиров. Правление Мансура также не избегло этой судьбы. Когда халебский эмир подавил мятеж, он приказал разрушить стену. Горожане возмутились. «Эти стены – наша гордость. Наше достояние и памятник старины, – сказали они. – Только неотесанный варвар может отдать столь безнравственный приказ». Это правда: стены Манбиджа древностью своей восходят к румийским временам. Эмир был мудрым и понимающим человеком. Он согласился с горожанами. Согласился, но приказал уволить сторожей и рабочих, ремонтировавших стену...

– Так вот отчего так выросла казна! – не выдержал Керим. – При Мансуре Манбидж расплатился со всеми своими долгами...

На него зашикали.

– Когда за стеной перестали ухаживать, – продолжал Рошан, – она быстро разрушилась. Сторожей не было, и горожане растащили по огородам большой ее кусок.

– Это правда, – развел руками Хасан. – Стены города в ужасном состоянии. Я пытался отремонтировать их, но время, время! Мы не выдержим осады.

– Выдержим. Примешь ли мою помощь?

– Гебра? – Бурхан подскочил. – Того, кто поклоняется огню? Ну, я так вам скажу: кафиры и огнепоклонники Манбиджу без надобности!

– Остынь! – рявкнул Сабих. – Верти своими законами, червяк. А в дела военные не лезь.

Рошан поморщился:

– Я знаю, как вы, мусульмане, относитесь к кафирам. А еще я знаю, как Балак берет города. Говорят, перед иными его штурмами бледнеет даже взятие Иерусалима. А ведь франки не оставили в городе никого в живых.

– Но огонь! Огню поклоняться! Говорю вам: мерзь это! – забормотал кадий.

– Мы не поклоняемся огню. Говорить такое, всё равно что утверждать, будто христиане молятся доскам. Или что вы преклоняете колена перед черным бульжником. Огонь заставляет нас вспомнить бога, не более. – Рошан помолчал и добавил: – Тебе первому, кадий, следует молиться, чтобы Балак не вошел в город.

– Это почему же?

– Да потому, уважаемый, что у Балака есть родственники и друзья. И первое, с чего он начнет, – это прогонит с должностей людей Хасана и назначит своих.

– Даже франки полезнее и безопаснее для тебя, чем Гора, – подтвердил Хасан. – Потому что они, захватывая города, не меняют катибов и раисов. Кто управлял городом, тот и управляет. Только налоги идут христианскому королю.

Судья умолк. Хасан смешал фигуры на доске:

– Отныне, Рошан Фаррох, пусть не будет промеж нами ни в чем вражды. Даже здесь, на шахматной доске. Я не попрекну тебя твоей верой, хоть видит Аллах – тяжело это. Спаси город! Я предлагаю тебе свою дружбу.

– Принимаю ее, Хасан ибн Мансур. Я, Рошан Фаррох, клянусь – сделаю всё возможное, чтобы разбить Балака и...

– Эй, эй! – встрепенулся Керим. – Не один ты по шахматам разгадываешь! Я всё вижу! Ты за доской подарки делаешь: то ферзя подаришь, то коня. Ай, Аллах, добрый Рошан какой! А потом? Кто партию выиграет? Не надо нам твоих даров. Сколько ты хочешь за помощь?

Хасан возмущился. Казначей! Евнух без зебба!

А туда же – голосок свой писклявый возвышает. Но тайный дом тем и хорош, что Хасан здесь лишь один из равных. Кончится ночь, разойдутся собутыльники – всё станет по-прежнему. За не вовремя брошенное слово можно будет отправить человека на кол.

Но пока – все вольны говорить, когда им вздумается. От Рашида аль-Гаруна пошло, любителя переодеваний.

– Что скажешь, гебр? – спросил Хасан.

– Что скажу... Попрошу я немногого. Трех вещей.

– Назови их. Клянусь Аллахом...

– Не клянись, Хасан. Выслушай. Первое – для безопасности города пусть мне выплатят пустяковую сумму. Двадцать тысяч динаров.

Все, кроме Хасана, присвистнули. Двадцать тысяч! Да что, джинны в него вселились, в гебра этого?!

– Деньги-то всё равно пропащие, – Фаррох проникновенно заглянул в глаза правителя. – Ведь правда же? Добром не нажиты, придут, уйдут – одна морока с ними.

«Знает, проклятый гебр! – облился холодным потом Хасан. – Откуда? Деньги-то и в самом деле пропащие... От графа франкского – Рошану. А то и самому Балаку, если не справимся».

Дело в том, что не далее как две недели назад Хасан написал отчаянное письмо франкам. Между нами, паскудное письмишко получилось. Не похвастаешь таким. Старик Мансур вон тоже поломанной стеной не очень-то хвалился.

В письме том Хасан предлагал графу Жослену, правителю Эдесского графства, отдать город в вассалитет. Причем именно за двадцать тысяч. Ну и за всякую мелочовку... Хасан не зря ведь твердил, что если франки захватят город, то все царедворцы останутся на своих местах.

Предатель, говорите?

Как пожелаете. Город всё равно придется кому-то сдать – франкам ли, Балаку. Разница лишь в том, что Балак Хасана ненавидит, а франки относятся равнодушно.

– Хорошо. Двадцать тысяч. Дальше что?

– Дальше... – Рошан вздохнул. – Балак выгнал изХалеба проповедников-батинитов. Конечно же, они станут искать пристанища везде, где можно. Станут ведь? Точно. А у меня со Старцем Горы давние разногласия. Обижаю я его, старичка. Второе мое условие: шпионы и стража города поступают под мое командование.

Сабих крякнул. Чего захотел чужак! Пояс его с бляхами! Халат парчовый! Рошан сделал предупредительный жест:

– Я не собираюсь лишать уважаемого Сабиха ион Васима его доходов, полномочий и преимуществ. Всё останется, как прежде. Но иногда я буду писать приказы, которые надо исполнять. Без вопросов. Без пререканий. Ясно? А иначе, кроме Балака под стенами, мы будем разбираться с убийцами в самом дворце.

– Согласен, – правитель в нетерпении кусал губы. – Твоя слава, Защитник Городов, перевешивает любые требования. Назови же третью вещь.

– Марьям. Повелитель предложил ей покинуть город или выйти замуж за Ису. Я прошу лишь одно: отложи решение, Хасан. Хотя бы до тех времен, когда город окажется в безопасности.

– Ладно. У меня был выбор... Поссориться с женами или младшим братом. Жены хотят изгнать ее. Иса – сплести с нею ноги. – Правитель поманил Фарроха пальцем. Когда гебр приблизил свое ухо к его губам, прошептал: – Ты устыдил меня, Рошан. Я поссорюсь с ними всеми. Не ради тебя и города. Ради самой Марьям.

РОШАН ФАРРОХ НА СТРАЖЕ ГОРОДА

Разошлись собутыльники далеко за полночь. Первым ушел Бурхан. За ним – Хасан в сопровождении верного Сабиха. Остались Керим и Рошан, но гебр решил прогуляться по ночному городу.

Всегда надо знать, что защищаешь, ради чего рискуешь жизнью. Шесть городов, шесть тайн остались за спиной Рошана. Со всеми он породнился. Временами ему казалось, что картины из жизни спасенных городов преследуют его. Стучатся в двери души: вот они мы! Смотри, как у нас!

Идут ли караваны, проходят ли войска, батиниты ли досаждают правоверным мусульманам, или златолюбивый правитель поднимает налоги – всё это Рошан воспринимал тем неведомым чутьем, что отделяет ложь-друдж от истины-аши.

Манбидж пока оставался нерешенной загадкой. Рошан брел ночными улицами и не узнавал их. Они были теми же, что и полвека назад. Теми же и другими. Пыль под ногами, крик сонного ишака, лай собаки.

Луна над головой.

Всё другое...

Возле дворца Рошан приметил две женские фигуры. Еврейка – растрепанная, дерганая, похожая на больную птицу (кажется, ее Марой зовут?) и Марьям. Абайя укутывала девушку с головы до ног, но Рошан сразу узнал ее. Лица он запоминал плохо. Зато фигуру, походку, манеру держать спину – с полувзгляда, сказывались давние привычки кулачного бойца.

Женщины торопились. Рошан отступил в тень, пропуская их. До него донесся обрывок разговора:

– ...старше и Моисея, и Христа. И уж точно не Мухаммеду с ними тягаться. Лилит древнее всех глупостей, что придумали мужчины.

Еврейка сделала загадочный жест, словно выплескивая прокисшее вино. В воздухе запахло колдовством. Марьям пробормотала что-то, видимо оберегаясь от зла. Значения это не имело. Девушка попала во власть друджа. Сила, издавна сопутствующая гебру, позволила разглядеть зло, масляной пленкой растекшееся по абайе.

Мара-то не так проста... Посланица Аримана, верное его создание и слуга. Надо бы проследить за женщинами. Рошан почти направился следом за колдуньей и ее спутницей. Он уже сделал первый шаг, как вдруг ощутил новое дуновение разума. Кто-то наблюдал за женщинами. Кто-то сильный и опасный, куда опаснее безумицы Мары.

Мускус, гнильца, птичий помет. Друдж незнакомца вонял точно так же, как потайная каморка во дворце. Ошибки быть не могло: Иса. Что же, интересно, могло понадобиться ему здесь да еще ночью? Вряд ли он спешил на любовное свидание или пирушку.

Рошан поднял голову. Луна в ночном небе истекала равнодушным рыбьим серебром. Дело Марьям еще потерпит, а вот за младшеньким надо бы проследить. Уж больно много интересного за ним числится. Да и запах зла...

Крадучись, Иса двинулся прочь от дворца. Гебр шел следом, особенно не скрываясь. Зачем? Иса – плохой заговорщик. Цель его держит, оглянуться не дает. А разбойники Рошана за своего примут. Бредет себе дылда с дубиной, лицо разбойничье... и пусть себе бредет. Что с него, оборванца, возьмешь, кроме заплат и зуботычин?

Шел младшенький интересно. Ну, что от окриков патрулей вздрагивал, понятно: не привык человек. Ночами редко гуляет, не то что братец. Но зачем так дорогу-то путать?.. Через заборы прыгать, по крышам скакать? Рошану не требовалось видеть заговорщика и принюхиваться к его друджу: лай собак отмечал путь Исы. Так россыпь мокрых пыльных лепешек отмечает дорогу нерадивого водоноса.

Скоро стало ясно, что Иса держит путь к городской стене. К одному из проломов, оставшихся со времен Мансура Крушителя. Приличные дома закончились, и пошли такие трущобы, что по ним даже днем со стражниками ходить страшно. Воняло свежей известкой и камнем: Хасан понемногу ремонтировал стены. Под ноги Рошану прыгнула хромая крыса. Пожаловалась на жизнь писклявой скороговоркой, шмыгнула под камни. Взвыл дурным голосом бродячий кот. Обед ищешь? Быстрее бегай, ловчей прыгай! Не то голодным так и пробегаешь.

Где же стражники? Куда смотрят?

К удивлению Рошана, стражники Ису ждали. Выглянули, переговорили о чем-то – и обратно в сторожку. Одна шайка, значит. Иса полез через стену и Фаррох скрипнул зубами. Не с его хромотой по строительным лесам лазать... Но влез в дело – терпи.

Иса остановился на пустыре. Сгорбился, скосолапился потерянным ребенком. Рошану даже стало его немного жаль. Если бы не дружба, удушливым облаком растекавшийся от шуплого парня, Иса был бы похож на припозднившегося путника. Холодно, темно... Через трущобы идти боязно, а у стены ночевать и того опаснее. Не ровен час, наткнутся лиходеи, оберут, да еще и ножичком ткнут под ребра.

Сколько Исе лет? Вряд ли больше двадцати. И в самом деле – ребенок.

От края зарослей терновника отделилась темная фигура. В этом человеке Рошан зла не почуял. Вернее, чуял, но так: серединка на половинку, как у обычных людей. Незнакомец делал свое дело, не вступая в торги с совестью.

– Мир тебе, Иса, – произнес он. – Хотя какой мир в наши скотские времена?

Света луны не хватало, чтобы различить детали, и всё же Рошан разглядел, что незнакомец молод, едва ли двумя годами старше Исы. Тонкие, изящные усики, масляная поволока глаз, скучающее выражение в уголках губ. Ох не простая птица выпорхнула из тьмы! Шпионы попроще себя ведут. Иначе первый встречный эмир прихватит – и всё, прощай, спесивец. Запорют или в зиндан спрячут.

– И тебе мир, Тимурташ, – поднялся навстречу Иса. – и тебе. Что до скотских времен, то уж кому бы жаловаться!

Пальцы гебра стиснули посох. Некстати прострелило спину – напоминание о ночевках под открытым небом да лихих драках с ассасинами. Тимурташ – красавчик. Вот кто пожаловал! Три эмира идут к Манбиджу: Бурзуки, Балак и Тимурташ. Этот прибыл первым.

Юноши, встретившиеся под городской стеной, прекрасно понимали друг друга. Оба были младшими. Оба питались крохами славы со столов своих знаменитых родичей. Оба хотели стать повелителями.

Здесь. Сейчас. Немедленно!

Но если Иса мечтал исподтишка, среди голубиных трупиков и кинжалов с цветными рукоятками, то Тимурташ пер к своей цели напролом. Слишком многое в его характере было от дяди. Да, статью пока не вышел, не заматерел. Но напористость фамильную-то не спрячешь!

– Ладно, ладно... Выгорит наше дело, не сомневайся, – грубовато объявил он. – Другие настанут времена.

– Времена... Говорить все горазды, – с горечью отозвался Иса. – А я что делать буду? Взять-то его можно хоть сегодня. А потом?

– Аллах велик! Иса, ты трус из трусов. Разве не обещал я тебе покровительство?

– Покровительство! – воскликнул Иса. – Ладно, слушай. Есть дом. Когда жены донимают Хасана, он там прячется. Вино пьет, в шахматилки играет. С этими своими... Казначеем, судьей и начальником стражи.

Рошан не видел его лица, но по голосу можно было обо всем догадаться. Обиженный ребенок. Старшие не взяли его в игру. Ушли компанией развеселой, оставили одного.

А он уже большой, тоже хочет со всеми. Винцо попивать, должности распределять, политикой ведать. Аукнутся тебе, Хасан, мальчишечьи слезки!

– А что кроме? – заинтересовался Тимурташ. – Женщины? Гашиш?

– Нет, – с некоторым даже испугом ответил Иса. – Всё чинно у них.

– Плохо. Ишь, праведник, Аллаха в душу... Хм! кхе-кхе!.. – Тимурташ притворно закашлялся. – Ладно. Знаю я твои беды. Сабиха боишься, да?.. – Чувствовалось, что Балаков племянник улыбается: – Свалишь Хасана, а тут тебе Сабих-Мабих. Меч к горлу: где брат твой, Иса? А ты ему: клянусь Мухаммедом (да хранит его Аллах и да приветствует!) не сторож я брату своему.

– Правду говоришь. Так и будет.

– Слушай! Есть у тебя черная с золотом джубба?

– Сыщется.

– Хорошо! О тайном доме забудь. Есть более простой способ. – Тимурташ нагнулся к Исе, и речь его стала неразборчивой. – Когда... сколько-то хватит, а потом... ну сам тоже... судьба...

Иса отвечал испуганным тенорком:

– А ворота как же?

– Ворота... Откроем, не бойся. Есть верные люди в Манбидже, хвала Аллаху. Я ассасинов нанял. Значит, так: дашь знак – и ходу. Я к Хасану, остальные откроют ворота.

– А я?

– Ты – тихо! Возьми бабу из невольниц, войди к ней. Пусть подтвердит, что ты с ней был всю ночь. По Корану, бабье слово – половина свидетельства, да хоть столько. Иначе манбиджцы тебя в клочья порвут. Не люб ты им.

– Хорошо. Сделаю.

– И джуббу, джуббу черную не забудь! Чтобы не порезали тебя в горячке. Остальных-то наши бить-убивать будут.

– Запомню.

Опять пошла неразборчивая речь. Ритмичные бормотки Тимурташа перемежались испуганным нытьем Исы. Если бы не боль в костях! Многое Рошан отдал бы, чтоб услышать знак, которым предатель должен призвать в город врагов.

Заговорщики разошлись. Рошан выждал немного, а потом двинулся обратно в город. Следовало поторапливаться. Чутье подсказывало, что Марьям, которую он покинул у дворца, попала в беду.

Ариман бы побрал эту ломоту в спине! Хорошо хоть, посох под рукой.

Рошан ковылял по ночным улицам, размышляя о братьях. Вот вроде бы совсем разные... День и ночь. А поди ж ты: оба не без червоточинки. Один город франкам задумал продать (в этом Фаррох уже не сомневался), другой – брата родного Тимурташу. Но Хасана хоть понять можно. К Манбиджу с двух сторон враги подступают. С севера – франки, с востока – арабы. Если держаться до последнего, победитель просто войдет в город и устроит резню, пожары, грабежи, насилие. Но Иса тоже ведь город спасает, получается. Откроет он ворота перед Тимурташем. Бойни не будет – у Тимурташа войск почти нет. Так, волчьи всадники, вряд ли сотня наберется... Но если Тимурташ стараниями Исы захватит в плен Хасана, а потом войдет в город, больше ему и не понадобится. Без Хасана Манбидж сопротивляться не будет.

Значит, ни пожаров, ни грабежей, ни насилия.

МЕЛИСАНДА И ЕЕ СЕСТРЫ

Мелисанда разделась и юркнула под одеяло. Еще не хватало, чтобы ее поймала Сатэ! Вообще-то ей полагалась своя комната, но с некоторых пор Мелис предпочитала спать с сестрами. Если что, отсюда можно незаметно выбраться, а когда имеешь дело с Морафией, это важно.

«Королевой я не стану шататься ночью по коридорам. Шпионить для меня будут другие», – подумала она.

От упражнений с мечом ныли плечи. Но уж лучше боль в мышцах, чем ожидание невесты чего, когда отец в плену. Этот... чуть не сказала «мерзкий» – Евстахий, граф Булони, тоже так говорит.

Слово «мерзкий», дурацкое девчачье словечко, к Мелисанде привязалось от Годьерны. У той всё было мерзким или миленьким в зависимости от настроения. Дождь ли, цветок среди камней, бородавка на носу коннетабля Гранье... Мелисанду эта привычка ужасно раздражала, чтобы не сказать бесила. Особенно бесило, что словечко это оказалось привязчивым.

Уж если и есть кто мерзкий во дворце, так это Гильом де Бюр. У-у, рожа!

Девчонки еще не спали. Ночь выдалась беспокойной; кричало воронье, и собаки тоскливо выли за окном. Сестры Мелисанды – шестнадцатилетняя Алиса и четырнадцатилетняя Годьерна – чуть ли не до самой хвалитны рассказывали друг другу истории о призраках и благородных рыцарях. Неудивительно, что им не спалось.

– ...а он тогда переоделся в шута, – рассказывала Алиса, – и шасть домой! Под покровом ночи как будто. А с ним – двадцать вернейших друзей, переодетые святыми паломниками.

– Ерунду ты болтаешь, Лиска, – зевнула Мелисанда, подтягивая одеяло к подбородку. – Ну что это за паломники, если с шутком? Кто их в церковь-то пустит?

– А вот и паломники! – вскинулась Алиса. – И пустят! Они шутовское под плащ – тогда пустят! Как миленькие!

– Уй, Мелька! – На глаза Годьерны навернулись слезы. – Вечно ты всё испортишь. Противная! – И она яростно ткнула Мелисанду локтем.

Этого Мелис не стерпела. Она взвилась дикой кошкой, сорвала одеяло и отвесила сестре звучного шлепка. Годьерна взвизгнула. На смуглой коже проступил отпечаток ладони – ох, синяк будет! Миг – и принцессы вцепились друг другу в волосы.

Алиса бегала вокруг кровати, жалобно причитая:

– Ну хватит! Хватит же! Не надо, сударыни, молю вас!..

В драку она не лезла. С рождения ее отличал мягкий, незлобивый характер. Старшая и младшая принцессы пошли в отца. Лица их в полной мере унаследовали жесткость черт Балдуина, да и телосложением они несколько не походили на свою мать, армянку Морафию. Высокие, плоскогрудые, с мальчишескими бедрами – рядом с Алисой они смотрелись дурнушками. Вся красота Морафии воплотилась в средней дочери: миниатюрная, женственная Алиса давно привлекала взгляды мужчин замка.

– Добрые сударыни сестры! Недостойно... недостойно принце... ах!..

Мелисанда наконец опрокинула Годьерну и принялась бить подушкой. Годьерна вывернулась, больно ударившись локтем, и вцепилась зубами в бедро сестры. Та завизжала.

Дверь распахнулась. На пороге стояла разъяренная Сатэ – старая нянька, привезенная Морафией из далекой Мелитены.

– Ай, что такое?! – крикнула она. – Звэрэньши! Совсем стыда нэт! Ай, матэри скажу!

Драчуны перепугались. Угроза звучала нешуточно. Сатэ могла. Девушки как по команде выстроились у стены. Голые, растрепанные, запыхавшиеся – они несколько не походили на принцесс, наследниц Иерусалимского королевства.

– Нянюшка! – взмолилась Алиса. – Христом-богом прошу, не рассказывай! Мы больше не будем.

– Не надо, нянюшка, – поддержала ее Мелисанда. Она повернулась так, чтобы Сатэ не увидела следы зубов. Годьерна же только сопела и смотрела волчонком.

Армянка смягчилась. Мало кто мог устоять перед Алисиным обаянием, да и лишний раз попадаться Морафии на глаза не хотелось. С тех пор как Балдуин попал в мусульманский плен, королева стала сама не своя. Младшую принцессу, пятилетнюю Иветту, не отпускала от себя ни на шаг. Рассказывали, будто королева нянчит ее, как младенца. Укутывает в пеленки, качает в колыбели... Слуги ходили на цыпочках, не зная, чего ждать. Стена возле Золотых ворот украсилась головами нескольких неудачников – и это было только начало.

– Мы в шутку, – продолжала Мелисанда. – Мы же не дети.

Старуха смягчилась:

– Ай, ладно! Да только смотритэ! – Она заговорщицки придвинулась к девчонкам и зашептала: – Королэва бродит. Покоя нэ знает. Тихо, горлинки мои, сидитэ, совсэм тихо!

Девушки закивали. Няня ушла, и они вновь юркнули под одеяло. На этот раз обошлось без ссор: младшие прижались к Мелисанде и лежали тихо-тихо.

– Ты это... – Годьерна шмыгнула носом. – Прости меня, Мелька, ладно?.. Что я тебя укусила.

– Ага. Ладно.

– Вот и чудненько. Ты такая милая!

– Воистину так, – поддержала ее Алиса. – Как хорошо, что вы помирились!

– Дети, – задумчиво пробормотала Мелисанда. – Маленькие, глупые дети...

За дверью слышались шаркающие шаги. Этот звук Мелисанда узнала бы из сотен других. Морафия обходила замок. Девочки жались. Шаги стали громче, еще громче, а потом стихли.

Королева ненавидела дочерей. Ей так и не удалось подарить королю сына. Балдуин ни разу не упрекнул ее в этом, но Мелисанда не раз слышала, как мать плачет в своих покоях. Как-то всё это было связано: слезы Морафии, сюсюкающий голосок Годьерны, робость Алисы...

«Я должна быть сильной, – думала принцесса. – Сильной, решительной и хитрой. Я – будущая королева».

Годьерна успела уснуть и сопела, уткнувшись носом в плечо Мелисанды. Осторожно, чтобы не потревожить сестру, девушка перевернулась на живот. Алиса спала на самом краю, свернувшись калачиком. Одеяло сбилось, и лунный свет серебром разливался по ее спине, рельефно очерчивая позвонки.

У каждой из принцесс были свои странности. Алиса могла положить ноги на подушку или вообще лечь поперек кровати. Когда ее спрашивали зачем, она лишь пожимала плечами. Откуда ей было знать? Ночной свободой тело мстило за дневные часы, проведенные в покорности и страхе. Мелисанда ворочалась, накручивая на себя одеяло, и выпихивала сестер с кровати. Годьерна бродила во сне. Когда это случалось, ее приходилось искать по всему замку – тихо, чтобы не услышала мать. Не раз сестры обнаруживали Годьерну на чердаке – посиневшую от холода, дрожащую. Как-то раз на нее раньше всех наткнулся поваренок. Когда их нашли, мальчишка сидел на корточках над спящей принцессой, с интересом ее разглядывая. Гладил по обнаженным бедрам, что-то бормотал себе под нос. Через два дня он случайно упал в котел с кипящей водой. Честь семьи Морафия поддерживала рьяно.

«Я – будущая королева. Я должна быть сильной».

Сон не шел к Мелисанде. В голову лезла всякая чушь – призраки, печальные мертвецы. Интересно, вернется ли отец? Вот уже год он в плену. Год, как сестры живут в постоянном кошмаре...

Раньше тоже бывало несладко, но оставалась надежда. Вернется отец, и всё будет как раньше – так думала Мелисанда. Сколько бы ни выпадало дел, Балдуин всегда находил время для дочери. Иногда ей казалось, что король воспринимает ее мальчишкой, своим наследником. Глупо, конечно, но...

Мелисанда сидела на всех королевских советах. Ее учили языкам, дипломатии, обращению с оружием. Временами ей приходилось принимать послов. Дипломаты Триполи и Антиохии сперва умиленно улыбались, но потом стали воспринимать ее всерьез. Сумрачная долговязая девчонка проявляла недетскую сообразительность. Порой она решала вопросы, которые ставили в тупик опытных царедворцев. Когда к восемнадцати она расцвела и похорошела, правители стали искать ее руки.

«Если бы отец не попал в плен, – думала Мелисанда, засыпая. – Если бы... если...»

Понемногу дыхание ее выровнялось. Снилось Мелисанде ерунда: паломники в сарацинских шлемах и шутовских плащах, цепи и туман над разбитыми башнями. Потом приехал отец, на поверку оказавшийся Гуго де Пюизе. Морафия била его веером, Мелисанда безумицу прогнала, а сама принялась вытирать кровь с лица гостя. Платок в ее ладони скоро намок алым; все видели это, и принцессе стало стыдно. Но остановиться она не могла – каждое прикосновение вызывало в теле сладкий озноб.

Еще! Еще!

Жаль, что это всего лишь сон...

МАРЬЯМ И КЛАДБИЩЕНСКАЯ ВЕДЬМА

Крик застрял в горле Марьям. Девушка вцепилась в сверток, прижимая к груди. Вот и всё... Сама напросилась.

– Да ты боишься меня, что ли? – удивилась ведьма. – Подойди, девочка, не страшись, – и она вытянула руку.

Марьям робко коснулась ведьминой ладони. Пальцы призрака оказались теплыми, мягкими. Ведьма придвинулась, и чересполосица теней омыла ее лицо, унося наваждение.

Незнакомка смотрела с материнской любовью. Мать Марьям умерла при родах – откуда ей знать, как она смотрят? И вот теперь... теперь...

– Это... ты... мама?..

– Да, девочка моя. Я мать всему, что вышло из лона женщины. Всему, что явилось в мир сквозь врата боли. Доверься мне, милая, я исцелю твои раны.

Сколько людей искали доверия Марьям! Рошан, Хасан, брат его. И что же?

Чем кончилось всё?

– Дай мне что принесла, девочка. Это Мара научила тебя?.. Верная дочь моя... Один ум, одна судьба. Дай же!

Торопливо, словно боясь передумать, Марьям протянула ведьме живой сверток. Удивительно, что ребенок молчит. Маком его опоили, что ли?.. Женщина в саване приняла сверток благоговейно, положила у ног своих. Золото же в пыль бросила:

– Погань, ядом пропитана. Кровь за него покупают и горе!

К счастью, у Марьям нашлось немного серебра. Его хозяйка могил взяла.

– А теперь отдай мне, дочка, то, из-за чего пришла.

Вот оно, главное... Теперь не убежишь. Рубеж пройден.

– Вот... – девушка робко протянула перстень. – Возьми, мама...

Тонкие пальцы обхватили темный ободок. По коже ведьмы зазмеились искры – солнечная сила, заключенная в золоте, вступила в единоборство с лунной. И – проиграла.

– Вижу. Узнаю... Человек, что носил это, богат и знатен. Высоко сидит, орел степной, да?.. И не прочь полевку закогтить.

Марьям не ответила.

– А чего же ты, дочка, сама хочешь? Мести? или счастья?

– Сча... стья... – Губы Марьям не слушались, но она всё-таки произнесла: – Чтобы он... чтобы мое... Чтобы мужем стал.

– По слову и сбудется. По доверию и любви. – В руке ведьмы блеснул нож. – Хватит ли у тебя силы преступить через кровь? – Сверток у ног ведьмы зашевелился. – На что ты готова ради справедливости?

Девушка облизала пересохшие губы. Ей вдруг показалось, что пыль, которую сдула с ладони чародейка Мара, осела на лице горьким налетом.

Ударить... Серебряным ножом, лунной рыбкой.

Марьям опустила глаза. В руке ее отблескивал нож. Да вы что?! Аллах превеликий!.. Ребенка?!

Нож полетел в темноту. Звякнул о каменные плиты. В ответ задрожала земля. Дрожь проникла в ноги, размягчая кости. Сам собой порченный клинок оказался в кулаке. Свет, исходящий от савана, слепил глаза, пульсировал, вытесняя мысли, не давая понять, что происходит.

Тепло свертка под рукой. Влага – тот, кого назначено принести в жертву, обмочился. Всхлипнув девушка резанула узел. Промахнулась, ударила по пальцам. Пальцы залило кровью. Спеленатое существо заворчалось, захныкало.

Жестокая рука дернула Марьям за абайю. Оскверненная одежда затрещала, разрываясь, девушка едва удержалась на ногах. Нужные слова сами выпрыгнули на язык:

– Я! Прибегаю к Аллаху! Во избежание! Шайтана! – Неведомый спаситель обнял ее за талию. Мягко забрал из руки опасный нож.

– Мир вам, госпожа кладбища, – услышала Марьям голос Рошана. – Как же я удачно успел. Просто вовремя.

Он выпустил девушку из объятий и нагнулся за свертком. Движение получилось неуклюжим: гебру мешал посох. Сверток запищал, извиваясь, словно куколка шелкопряда.

– Грязный кафир! – взвизгнула ведьма. – Проклятье тебе!

Она протянула к Рошану скрюченные пальцы. Тот отступил на шаг, увлекая за собой девушку. О чудо! Набежало облачко, скрывая луну, и серебристая пыль рассеялась.

На грубой палке с перекладиной болтался череп. Его покрывал выцветший химор. Обрывки савана свисали, болтаясь бессильными руками.

Ох, плохо-то как... Ой, мамочки!

Посох Рошана взметнулся, словно трескучее крыло саранчи. Два касания, два удара. Оружие перебило рукава савана, и ведьма утратила силу.

Луна вновь вынырнула из облака.

– Зла ищешь, кафир? – качнулась ведьма. Руки ее обвисли плетьюми. – Крови? Каких еще подвигов потребует от тебя твой огненный бог?

Фаррох не ответил, занятый свертком. Вот показалось мохнатое черное ухо, за ним – маленькая лапка в белом носочке. Марьям ойкнула. Щенок беспокойно завозился, заплакал. Ему было страшно.

– Какого зла, уважаемая? О чем вы? Кстати, дэвы, которых вы зовете джиннами, не переносят взгляда щенка. Я-то всё гадал – правда, нет? Куть, смотри, Килаб!

– Ты не переживешь завтрашнего утра, кафир! – взвизгнула ведьма. – И девчонка тоже!

– Ну-ну, повелительница! Я уже боюсь. Ноги отнимаются, – Рошан тяжело осел, оперся о посох.

– Ты зря насмешничаешь, кафир. Я могу порассказать много интересного. О твоей тени, например.

Марьям вцепилась в Рошана, как дитя в материнскую юбку. Чего он ждет?! У него же палка! Он сильный, ловкий. Треснуть кладбищенскую тварь и бежать. Ух, как бы она бежала отсюда!..

– Сказки, поди?

– А вот расскажу тебе историю, – продолжала ведьма, – отпустишь меня? История такая: бродил по Персии человек один. И звали его... запаматовала. Клянусь Харутом и Марутом – запаматовала! Но разве не создал Аллах истории отдельно от жизни, чтобы их было удобнее рассказывать?

Голос ведьмы лился маслом. Течет, течет, течет – масло из кувшина, вода в арыке. Ровен ее бег, ни на миг не задержится. Недоглядит землепашец – беда! Размоет берега, забьет дно илом и грязью.

– Шел однажды через горы гебр, отверженный. И довелось ему ночь скоротать в одном городке. Встретили его хорошо: приютила молодая вдова. Хоть и бедно жила, да Аллаха помнила. Одна беда: следом за путником горе вошло в дом. Сын хозяйки лежал при смерти. А к городу подошли ассасины. Нужен был им этот город, кровь его жителей и камни стен...

– Ладно. Хорошо. – Фаррох досадливо дернул щекой. Щенок заскулил, пытаясь выбраться из свертка. – Ты действительно знаешь мою историю... Одну из многих.

– Самую первую, Фаррох. Ту, в которой ты стал Защитником Городов.

Неведомым женским чутьем Марьям ощущала, что Рошан беспокоен. Ведьма что-то знала о нем. Что-то такое, чего великан не хотел открывать никому. Даже... даже ей, Марьям. Хотя, если вдуматься, кто она такая, чтобы слышать чужие тайны?

– Я отпущу тебя, – наконец сказал Рошан. – Ты останешься жить – если это жизнь, конечно.

– Милосердный, милосердный Фаррох! – скалила зубы ведьма. – О, благодарю тебя, провозвестник добра и света!

– Но взамен – ты отпустишь девчонку. Идет? Ты и вся твоя братия – все, кто служит темным ангелам Харуту и Маруту. А нет, так я выжгу ваш друдж. Я могу, ты меня знаешь.

Облачко вновь закрыло луну – на этот раз совсем ненадолго.

– Глупый, глупый кафир... – Ведьма стремительно теряла силы. Черты ее лица расплылись в лунном сиянии. – Да разве мы берем власть? Неужто твой бог ничему тебя не научил? Человек сам выбирает – в глупости своей, бессердечии или страхе. Резать черных кур и щенков – это для слабых. Для тех, кто живет в полусне. Их разум вял и пуст, они предадут бога и не заметят этого. Им и надо напоминать – кровью, болью, страхом...

– Рошан, о чем она? – Марьям колотила крупная дрожь. – Что она говорит?

– По силе сбудется, – прошепестело над могилами. – Станет Марьям женою Хасана... Ты же, гебр, помни: тень твоя близко! На северо-востоке её следы. В крепости Аламут... Имя ей – Габриэль. Постой, я покажу тебе!

Перед Рошаном мелькнуло призрачное видение: твердыня Аламута, башня, старик, в ужасе вцепившимся в волшебное кольцо. Мальчишка-сириец, скорчившийся над растрепанной книгой. И тень. Вернее – Тень.

– Во имя Сулеймана!.. – проблеял тусклый старческий голос. – Его печатью, мудростью и силою! Заклинаю!!

Тут над городом разнесся крик муэдзина. Видение рассеялось мутной пленкой в глазах слепца, настало утро, и нить белая перестала походить на нить черную. Ведьма исчезла, забрав с собой ночные кошмары, предсказания и порчу.

– Пойдем, Марьям. Нам лучше поторопиться. – Девушка кивнула и засемила вслед за своим спасителем. Разорванную и оскверненную абайю она прихватила с собой. От запаха мертвечины мутило, живот сводило противной, тянущей болью.

– Рошан, – несмело позвала она.

– Что, Марьям?

– Как же ты нашел меня? – Гебр пожал плечами:

– С большим трудом. Кой дэв потащил тебя на кладбище?

– Я... Понимаешь, Рошан... я тебе не верила. Но сейчас – клянусь! – я всё, что угодно... для тебя!.. – Она всхлинула. – Я же не знала!..

Где-то заревел ишак. Длинная тень Рошана прыгала по камням дороги в холодной утренней пыли, указывая путь.

– Теперь мне что? Бежать... – голос девушки дрогнул, – от Хасана? Ведьма же...

– Далась тебе эта ведьма, – гебр положил руку на плечо девушки. – Бежать, спасаться! – передразнил он. – Это просто. А знаешь... Павлины нашептали мне, что Хасан будет прогуливаться по саду после обеда. Возле старой хурмы. Найдешь?

Девушка обрадованно кивнула.

– Вот и хорошо. И лучше бы тебе выспаться. Бессонные ночи красят влюбленных лишь в стихах дурных поэтов.

– Влюбленных?!

– Тс-с-с! Я же говорил, что помогу тебе. А ты не верила!

Кладбищенские пустыри закончились. Начался лабиринт бедняцких улочек. Стояла ранняя рань – самый рассвет, когда город только просыпается. Вот проشمыгнул мимо водонос

– лицо помятое, словно старый медный кувшин. Прокосолапил пройдоха в потертых шароварах. Соглядатай, не иначе. Взгляд цепкий, как плеть вьюнка, смотрит – на весы кладет. Щенок на руках гебра востепенулся, звонко облаял проходимца.

Девчонка повеселела. Истории должны хорошо кончаться. И притчи о колдунах – тоже. Зачем она – притча, если страшно? Рошан поймал взгляд Марьям и улыбнулся в ответ.

Ему было весело. Опасность рядом, а значит – надо дышать полной грудью. Жить полной жизнью, ощущая каждый миг ярким и неповторимым!

Где-то бродит Габриэль, человек-тень. Амбициозный ассасин, жестокий и беспринципный. Достойный противник. И главное, они хорошо друг друга знают. А значит, борьба предстоит не на жизнь, а на смерть.

Не это ли счастье?!

ПЛАНЫ, ПЛАНЫ, ПЛАНЫ ГАБРИЭЛЯ

– Во имя Сулеймана!.. Его печатью! Мудростью!.. Заклинаю!!

Лампа мигнула и погасла, выбросив струйку дыма. Облачко набежало на луну. Когда же лунный свет вновь наполнил комнату, наваждение отхлынуло. Никто не пытался сорвать ковер. Ушли в небытие бесплотные голоса гурий-искусительниц. Замолкли струны дутаров.

– Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха великого! – прошептал Гасан. И жалобно проблеял: – Разожги лампу, Салим. Не видишь, что ли: темно мне.

Маленький сириец окоченел от страха. Гасан беспокойно завертел головой: что случилось? Едкий запах масла вызывал желание чихнуть. Серебристая полоса лунного света искажилась. Тень пересекла ее – опасная, тревожная.

– Кто?.. Кто здесь?.. – выкрикнул ас-Саббах. Голос изменил ему, сорвавшись на писк. Левую руку, близкую сердцу, наполнила слабость. – Покажись, будь ты ифрит или джинн!

Темный человек шагнул к повелителю исмаилитов:

– Поклон тебе, о мудрый Старец Горы! Ты звал меня?

У Гасана отлегло от сердца. Это же Габриэль-Тень, помощник шайтанов! Сам же приказал ему зайти ночью. Ох старость, старость... Подводит память-то старичка.

– Ох, ох! – закудахтал Гасан. – Напугал ты меня, Габриэль. Зачем тихо ходишь?.. Зачем старичка пугаешь?..

Гость сложил ладони лодочкой у груди:

– Прости, о святейший. Привычка такая.

– Бросай эти привычки. Ты ведь, Габриэль, мне как сын родной...

– ...упаси Аллах!

– ...а ведешь себя хуже бедуина.

– Больше не повторится, повелитель.

Он уселся напротив Гасана, глядя на него немигающими змеиными глазами. Гасан осторожно дотронулся до кольца Соломона. Теплое вроде... Ишь, как совпало всё. Потер кольцо – нате вам! А может, правду люди говорят? И Габриэль на самом деле не Габриэль, а Иблисово отродье?

– Что скажешь старичку? Чем сердце порадуешь?

– Ничем хорошим, повелитель.

Габриэль взял пиалу Горного Старца, принял, отпил. Гасан решил, что больше к ней никогда не прикаснется: яд Габриэль умел подсыпать виртуозно.

– Проклятый Балак, – сообщил Тень, – выгнал наших проповедников из Халеба. Сказал, что познает мудрость батин...

– Так и сказал?

– Не перебивай, светлейший. Полностью его слова звучали так: «Возведу мудрость батин на супружеское ложе и познаю ее».

– Обидел он старичка. Смерть ему.

Габриэль кивнул. Согласно учению ассасинов, последнюю фразу можно понимать иносказательно. Например, если в Коране написано: «Будьте обезьянами презренными!», в зависимости от ситуации это означает: «Идите в Казвин и сровняйте его с землей» или «Пусть Абдаллах заплатит нам десять тысяч динаров». Но слова ас-Саббаха никогда не допускали двойного толкования. В отличие от Корана.

– Он умрет, светлейший.

– Хорошо. Продолжай, Габриэль, продолжай. Старичку интересно слушать новости.

С ночной сыростью в окно вливался протяжный крик муэдзина. Аль-Иша, ночная молитва. Время, когда правоверному надлежит вспомнить о бренности всего сущего. О том,

что всё пройдет, всё обернется. Об истинной родине человека, куда рано или поздно попадем все мы.

Габриэль повел плечом, отгоняя дурные мысли. Ничего. Смерть от нас еще далеко.

– Следующая моя новость... Быть может, повелитель желает помолиться?

– Позже, Габриэль, позже. Говори!

– Следующая новость касается франков. Христианский эмир Жослен – проклятье ему! – хочет освободить короля. А для этого переписывается с правителем Манбиджа...

– Которым? – заинтересовался старец. – Хасаном или Исой?

– Хасаном. Он обещает сдать город за двадцать тысяч динаров.

– Большие деньги. Зря Жослен не торгуется... Мы свои крепости приобретали дешевле.

Гасан задумался. Аллах бы пробрал мерзавца Жослена! Всё старичка обездолить норovit. И как это Всевышний допускает хитрость, подобную этой, среди франков?

С точки зрения ассасинской стратегии, граф действовал весьма разумно. Балак далеко – набирает армию. Захвати Манбидж – и прекрасный город Халеб со всеми своими садами, хлопчатниками и мечетями окажется в кольце христианских войск. Подходи и властвуй. А в крепости Халеба – франкский король. А если в руках франков окажутся сразу Халеб и Манбидж...

О-о!

Сердцем Гасан чувствовал, что пора слать убийц. Оставалась мелочь: решить, к кому именно.

К Жослену? Балдуину? А может, к манбиджским братьям?

– Старичка... – начал он.

– Да, мой повелитель?

– Нет-нет, ничего...

Тень пожал плечами и продолжил:

– Последняя новость, о светозарный, самая неприятная. В Сирию пришел Защитник Городов.

– Аллах покарает тебя, Габриэль! Ты врешь мне в глаза.

– В том-то и дело, светозарный. Шпион – тот, что принес вести из Манбиджа, – не мог ошибиться. Рошан Фаррох гостит у Хасана.

– Убей его, Габриэль! Видит небо, этот гебр постоянно обижает старичка.

– На голове и глазах, повелитель. Именно я возглавлял поход в Мазандарран, когда Защитник встал на нашем пути.

– Так что же ты медлишь? Пошли убийц.

– Фаррох изворотлив. Мы послали шестерых – и где они? – Тень возвел очи горе: – В раю. Гурий обхаживают.

По лицу ас-Саббаха пробежала судорога. Кулаки сжались.

– Обидел... Обидел старичка мерзавец Фаррох!

– Имам, дозволено мне молвить?

– Говори! И пусть слова твои будут приятны слуху.

– Пусть беспокойство покинет повелителя. Я знаю, как победить Фарроха. Я придумал план, объединяющий в себе совершенства тысяч планов. Благодаря ему мы уьем Защитника Городов...

– Аллах благословит тебя!

– ...а также расправимся с Балаком и получим город вместо Халеба.

Гасан подпрыгнул на циновках. От резкого движения полы халата распанулись, обнажая впалую старческую грудь. Имам схватил Габриэля за рукав:

– Речи твои схожи с шербетом и курагой. Порадовал старичка, мерзавец! Что тебе нужно для этого, Габриэль?

– Бумагу. Чтобы мои приказания – беспрекословно.

– Будет тебе такая бумага.

Гасан хлопнул в ладоши. Маленький сириец востепенел. Старик забрал у него книгу и калам и принялся что-то писать прыгающим почерком «сульс». Затем вырвал страницу и отдал ее Габриэлю.

– Передаю в руки твои Кийа Бузург Умида, начальника стражи Аламута. Отныне он будет подчиняться тебе, как мне самому. Если, конечно, я не скажу обратного.

– Благодарю, лучезарный. Теперь дело в чалме. В нетерпении отбываю. Пора мне в Халеп – на встречу с пленным франкским королем.

– С Балдуином? Он погибнет?

– Как знать, повелитель. Как знать... – Габриэль загадочно улыбнулся. Миг – и его не стало. Старик вскочил и принялся простукивать стены.

– Ведь нет же... Не может тут быть ходов! Пугает старичка, негодяй... ай, нехорошо! Маленький Селим сидел ни жив ни мертв.

МЕЛИСАНДА И СЕНЕШАЛЬ ГРАНЬЕ

Разбудили Мелисанду звуки колоколов. Девушка прислушалась: звонили час первый. Надо было отправляться на заутреню. Мелис позвала служанку, оделась и отправилась в сад.

Иерусалимский дворец вызывал у нее глухую тоску. Ну помилуйте, что это за жилище короля, если под самым боком скотный рынок и тянется он до самых Силоамских ворот? А дома? Что это за дома? То ли дело Эдесса! Или Антиохия.

Он Антиохии Мелисанда мечтала страстно. Так страстно, как только может мечтать девятнадцатилетняя девушка, понимающая, что жизнь ее угаснет в стенах пыльного древнего города.

Захватывая Иерусалим, крестоносцы постарались всерьез. Многие здания превратились в руины, а что осталось – наводило уныние и печаль. «Полуразрушенный замок уже наполовину построен», – говаривал ее отец. Крестоносцы не столько строили, сколько восстанавливали ими же уничтоженное.

Когда король Балдуин переехал из Эдессы в Иерусалим, город был почти пуст. Прошедшие годы изменили многое, но Мелисанда до сих пор помнила ужас, который испытала, увидев присыпанные пылью оливы в Гефсиманском саду. Здесь Иисус провел страшную ночь перед распятием. Здесь повесился Иуда.

О, как она хотела бежать отсюда в Антиохию!

У ворот Мелисанда остановилась. Сама не замечая, что она пришла к выходу из дворца: так всегда случалось, когда она задумывалась и не следила, куда идет. У решетки застыли стражники; утреннее солнце свинцово отблескивало на их кольчугах.

Мелисанда уже собиралась вернуться, как услышала цокот ослиных копыт. К воротам подъехал вшивый человечек в драном халате.

– Я хочу видеть коннетабля, – без предисловий вымолвил он. – Весточка у меня. О короле, Его Величестве Балдуине.

Стражники не шелохнулись. Плешивый терпеливо ждал. Наконец из караулки выглянул рыцарь и угрюмо сообщил:

– Господина коннетабля нету. Уехали они, того... В Хеврон.

«Врет, – про себя отметила Мелисанда. – Никуда он не уезжал. Рожу пудрит небось. Перед тем как мамочку завалить».

Она с неприязнью и тайной жалостью посмотрела на плешивца. Безумцы, подобные ему, время от времени приходили к воротам дворца. Бог знает, на что они надеялись. Хлеба выпросить, что ли? Или же сыскать теплое местечко при дворце.

– Проваливай, – стражник сплюнул, стараясь попасть ослу на копыто. – Шас как звездану по ребрам. Вот этим вот сиром коннетаблем, – он помахал копьем и засмеялся. – Ему и расскажешь свою весточку, значица.

Оборванец не уходил. Унылые рассказы «вестников» Мелисанда знала как «Отче наш». Ну да... Можя видел, а можя нет. Далече было, господа могущественные владетели. Подайте хлебушка Христа ради.

Странно, что стражники не отдубасили проходимца древками копий. Видимо, ранний час да благодать, разлитая в весеннем воздухе, подействовали на них расслабляюще. Мелисанда хотела было приказать, чтобы плешивца пропустили, но передумала. Нечего тунеядцев поощрять.

Ворота остались закрытыми. Бродяга глазел на них, почесываясь, а потом удалился восвояси.

И тут Мелисанда поняла, чего ей не хватало все эти дни. Коннетабль предал короля? Прекрасно! Но в Иерусалиме есть человек, который ненавидит Гильома де Бюра белой ненавистью.

Евстахий Гранье. Сенешаль и второй регент королевства.

«Ну держись, овца! – злорадно подумала она. – Еще посмотрим, кто кого».

Мелисанда направилась к дворцу. Следовало поторапливаться. Морафия приказала Евстахию спешить в Тивериаду, и, возможно, старый рыцарь уже в пути. Тогда придется ждать несколько дней, пока он вернется, а принцесса хотела действовать сразу, без проволочек.

Не повезло, Гранье пока никуда не уехал. Годы научили его отличать государственные нужды от бабьей блажи. Приказ звучал слишком дико, чтобы требовать немедленного исполнения. Инспекция Тивериады не имела никакого смысла, отчет из города прибыл неделю назад. За это время там мало что могло измениться. Но тогда зачем же ему ехать?

Евстахий оделся, сходил к заутрене и сел завтракать. Наливая себе вина, он как раз размышлял, что бы могло означать бестолковое королевское повеление.

– Ах, это ты, моя девочка, – рассеянно приветствовал он принцессу. – Присаживайся. Разделишь со мной скромную трапезу?

– Не откажусь, сир Гранье.

– Вот и славно. – Евстахий налил девушке вина, придвинул миску с похлебкой. – Только не обессудь, Мелис. Яскромно, по-солдатски. Мы, старые крестоносцы, разносолов не признаем.

С глазу на глаз он никогда не называл Мелисанду «Вашим Высочеством». Принцесса любила его и за это тоже.

– Как делишки? – поинтересовался он. – Куклы, рукодельничание?

– В куклы я давно уже не играю, – кисло отвечала Мелисанда.

О своих успехах в вышивании она предпочитала не распространяться. Добрая глупая Сатэ, глядя на ее художества, только всплескивала руками: «Ай, горlinkа моя! Ктэ ж тэбэ замуж-то возьмет?»

– А я вот – в мечи да солдатики до сих пор. Балуюсь помаленьку. – Сенешаль подмигнул: – Только игрушки дороговатее стали. И поглубее. Рассказывай, с чем пришла?

Мелисанда отщипнула от краюхи хлеба, запила вином.

– Сир Евстахий... А вот если кто-нибудь... ну поклялся защищать – и вдруг предаст? Что бы вы сделали?

– С предателем-то?... Собрал бы верных людей да всыпал мерзавцу. У нас, которые старые крестоносцы, это запросто.

– А если всыпать – никак? Если он сильнее?

– Сильнее? Ты, девонька, Кедрон-то не мути! Кто тебя предал и почему?

Мелисанда вздохнула. Раз, два, три, четыре... Досчитав до двадцати, как учил отец, она сказала:

– Гильом де Бюр. Он не поедет спасать отца. Совсем.

Евстахий прекратил жевать. Вытер усы, отставил в сторону миску с похлебкой.

– Да-а, девонька... – протянул он. – Выросла ты, милая. А я-то, старый дурак, к тебе с куклами! Подожди. Я сейчас.

Он встал из-за стола и отправился к сундуку, где хранил снаряжение. Мелисанда потянулась к бокалу. «Гильом небось сейчас штанами трясет перед зеркалом. Матушку тискать готовится». О том, что де Бюр и Морафия любовники, она говорить остереглась: Евстахий, он, конечно, из старых крестоносцев, но в придворных интригах мало-мальски мыслит.

Если же он заодно с де Бюром и Морафией...

Мелисанда вновь вздохнула. Ей вспомнилось про поваренка, щупавшего спящую Годьерну. Когда его достали из котла, он напоминал ошпаренного цыпленка. Чтобы сохранить доброе имя, Морафия и родной дочери не пожалеет.

Гранье тем временем рылся в сундуке. Гремел старым железом, перекидывал тряпки, что-то неслышно бурчал себе под нос. Наконец то, что он искал, обнаружилось.

– Слава Христу. Уж думал, мыши сгрызли. – он бережно выложил на стол кусок ткани. Когда Мелисанда потянулась помочь разгладить ткань, Евстахий прикрикнул: – А ну не трожь! – И, смягчившись, объяснил: – Вещь ветхая, в предурственном состоянии. Трепетного ухода требует.

Неизвестно, какой трепетный уход сенешаль имел в виду. Сам он не особо церемонился. Когда корявые лапищи крестоносца развернули ткань, Мелисанда поняла, что это карта Леванта.

– Смотри, – палец с обгрызленным ногтем указал на синюю полосу в белой вязи орнамента: – Вот море. Видишь? Я тоже путался спервоначалу. Потом пообвык. – Палец сместился на сушу. – А вот здесь мы, Иерусалим, значица. Тут на побережье города: Яффа, Сидон, Бейрут. А вот – Тир.

Мелисанда кивнула. Она уже догадывалась, что ей расскажет Гранье, и боялась этого.

– Тир – последний город на побережье. Из тех, которые сарацинские. Чуешь? Купчишки, они ведь тоже не дураки. На кораблях разных плавают, союзы у них, гильдии... И с нами при-торговывают, проходимцы, и с магометанами.

Мелисанда снова кивнула.

– А знаешь, что будет, когда мы Тир того?.. – Ладонь крестоносца придавила карту. – А? Куда купчишки безанты свои золотые да динары понесут?

– К нам, – севшим голосом произнесла Мелисанда. – К нам понесут.

– То-то! – Гранье перегнулся через стол. Заглянул принцессе в глаза: – Крепости-то да мечи – они безантов стоят. Мы, которые старые крестоносцы, которые от самого Урбана, это хорошо понимаем.

– Так что же? А король, значит, – неважно? Сперва безанты, потом король?

– Дурочка! – Гранье ласково потрепал девушку по волосам. – Да кто ж спорит-то? Король в плену – тоска для всего народа. Мы, которые старые крестоносцы, завсегда... Но ты ж глянь сама, – он вновь потянулся к карте, – Халев – вон он где. Пусть Жослен его и захватывает. Нам от Халеба ни жарко, ни холодно. А графу, может быть, владения. Он, может быть, на Халебе благосостояние себе построит. И очень запросто.

Некоторое время девушка подавленно молчала. Потом сузила глаза:

– Вот что, сир Гранье. Я так понимаю, что вы все сволочи и стяжатели...

– Но-но!

– Никаких «но-но!». Сволочи и стяжатели. Если вы, рыцари, со всеми вашими копыями, конями и аркобаллистами не хотите спасти короля, то... то... я пойду вместо вас! Ясно?

– Ясно.

– Да. Дайте войск, сколько можете, и я отправлюсь в путь.

Гранье встал. Мелисанда тоже вскочила. Минуту или более они смотрели друг на друга. Наконец Евстахий не выдержал и со смехом отвел взгляд:

– Надо же! Пигалица какая. Войск ей подавай! – В лице его проступила грусть. – Эх, девонька... Где мои девятнадцать? Я ж влюбчивый был, дьявол! Уж я за тобой к Вельзевулу бы в пасть отправился. В Халев или там к султану сарацинскому... – Мелисанда зарумянилась. Гранье жестко закончил: – Нет у меня войск. Ни хрена лысого, запаршивейшего юбочника дать не могу. Все, кто есть, все при деле.

Евстахий в раздумьях опустил голову. Мелисанда украдкой смотрела на его жизнерадостную плешь, обрамленную седыми волосиками. Воспоминание об утреннем плешивце неприятно ее кольнуло. А может, в самом деле какие-то вести у него были о короле?

– Вот что, милая. – Гранье поднял взгляд. – Войск я тебе дать не могу... – Мелисанда хотела что-то сказать, но Евстахий жестом ее остановил. – Нисколько не дам, – повторил он, – но с одним человеком сведу. Вот с таким человеком! Уж если он не поможет, то никто. Понимаешь?

– И кто он?

– Сир де Пейн. Магистр ордена Храма.

Сердце Мелисанды затрепетало. Орден Храма возник недавно, и его мало кто знал. Но Гуго, оруженосец ее верный, рассказывал о храмовниках чудеса. Из его слов получалось, что для завоевания Сирии других рыцарей, кроме храмовников, и не требуется. Они одни справятся. А предводительствует ими сир Гуго де Пейн, тезка ее Гуго. С некоторых пор Мелисанда относилась с доверием ко всем, кто носил это имя.

– Соглашайтесь, принцесса. Дело верное. Сир де Пейн – верный слуга Его Величества. Коль спонадобится, весь орден на уши поставит. Подумайте: целый орден!

– А сколько у Храма человек?

– Врать не буду, девять... Хотя нет. Со вчерашнего восемь. Но что это за люди! Кровь с яйцами!

Это уж слишком... С восемью рыцарями ей предлагают идти воевать Халеп! Мелисанда задохнулась от возмущения:

– Стыдно, сир Гранье! Если зубоскалить – ищите кого-нибудь другого. А я... я... Позвольте раскланяться.

С этими словами она выбежала из покоев сенешаля. Мелисанда не хотела, чтобы кто-нибудь видел ее плачущей.

Коридоры дворца расплывались перед глазами. В горле распух ком обиды, щеки горели. Мелис бежала и бежала, не разбирая дороги. Подальше, подальше от насмешника Гранье!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.